

НЕВЪСТА ТРИРМЕНА

ИЛИ

ДОЛИНА СВЯТАГО ІОАННА.

ПОЭМА.

НЕВѢСТА ТРИРМЕНА

ИЛИ

ДОЛИНА СВЯТАГО ІОАННА

ПОЭМА

въ шрехъ пѣсняхъ

Валтера Скотта.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

*Quel Chevalier demanda
jamais d'autre recompense
de ses Exploits que celle
de l'amour et de la gloire?*

WALT. SCOTT.

МОСКВА.

Въ Типографіи Императорскаго
Московскаго Театра, 1825 года.

У Содержателя А. Похорскаго.

П Е Ч А Т А Т Ъ П О З В О Л Я Е Т С Я

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библиотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Августа 18 дня 1824 года. Сію книгу разсматривалъ Ординарный Профессоръ Надворный Советникъ

Алексѣй Болдыревъ.

Милостивой Государынѣ сестрицѣ

АВДОТЪ АЛЕКСѢЕВНѢ

САННИКОВОИ,

подарокъ въ день ея Ангела , Марша

1 дня, 1824 года.

Въ день Ангела вашего, Сестрица, я желалъ подарить васъ тѣмъ, чтобы не одинъ только день напоминало вамъ обо мнѣ и моей къ вамъ преданности. Всѣ бы желанія и надежды переводчика исполнились, если бы вы ласково приняли неважный подарокъ мой и цѣнили не его, а мое усердіе; если бы прогли сію бездѣлку съ такимъ же удо-

*вольствіемъ, съ какиммъ я пере-
водилъ, желая вамъ посвя-
тить трудъ мой.*

ПРЕДИСЛОВІЕ

РУСКАГО ПЕРЕВОДЧИКА.

Почитаю нужнымъ сказать чипапелю нѣсколько словъ , какъ о самой поэмѣ, такъ и о переводѣ моемъ.

Невѣста Трирмена издана около 1816 года безъ имени Валшера Скоппа и какъ подражаніе ему; но скоро однакожь признана равною лучшимъ его произведеніямъ и даже лучшею по легкости и прелести разсказа. Описанія поразительныя своей вѣрностію, ознаменованныя истиннымъ вкусомъ, мысли исполненыя силою истины, составляютъ главное достоинство поэмы. Характеръ Ар-

пура, счастливое соединеніе мужества героическаго, духа рыцарскаго, величія царственнаго и слабости человѣческой, я почишаю счастливейшимъ твореніемъ знаменитаго Аріоста Шотландіи. Не буду предварять читателя о красотахъ поэмы: она достойна Автора, которому споль справедливо удивляется Европа. Ночи бдѣнія, проведенныя рыцаремъ де Во въ ужасной пустынь Св. Іоанна, часть пробужденія Гинепсы, изображеніе очарованнаго замка, имѣющаго почто волшебное дѣйствіе на душу читателя.

Что сказать о переводѣ? Онъ не можетъ быть совершеннымъ, ибо Поэты, почти безъ исключеній, не перево-

дятся прозою. Я старался
только переводить вѣрно,
и съ возможнымъ стараніемъ
исправляя переводъ свой, чув-
ствую однакожь, что нѣ-
кошорыя мѣста переведены
не такъ, какъ бы мнѣ хо-
тѣлось. Могу только изви-
нить себя шѣмъ, что это
первый опытъ, кошорый я ос-
мѣлился сдѣлать извѣстнымъ,
что Валперъ Скопшъ не изъ
пѣхъ Авпоровъ, кошорые пе-
реводятся прямо на бѣло.

П. К.

М о с к в а.

Марта 27 дня

1825 года.

I.

Пойдемъ , Люція , воспользуемся прохладою утра и перейдемъ лѣсной источникъ. Пока солнце не сліяло еще вмѣстѣ лучи свои , мы будемъ уже въ нашемъ убѣжищѣ кустовъ полевыхъ , гдѣ роса , оставившая зелень луговую , еще омочаетъ цвѣты. Сии камни , удерживающіе стремленіе волнъ , будутъ сельскимъ нашимъ мостомъ. Принужденныя раздѣлились здѣсь прозрачныя волны , скользятъ окрестъ малыхъ островковъ и , обманушыя въ усиліяхъ своихъ прошивъ препоны , имъ сопротивляющейся , онѣ ропщутъ въ безсильной ярости и облегчаютъ переходъ нашъ съ одного берега на другой.

II.

Но для чего быть нерѣшительной? Для чего ноги твои останавливаются , а взо-

ры между тѣмъ устремлены на берега источника? Тише ли онъ будетъ? Нога твоя, легкая, какъ нога Титаниа, не скользя, можешь перепрыгивать съ камня на камень; ты не измочишь даже блестящей застежки шелковыхъ песемокъ твоей обуви. О, ввѣрся силѣ любовника: не бойся чѣтобъ мощная рука, поднимающая поверженный дубъ, претепала опть сладкаго бремени красоты, споль милой! Да... и теперь, когда миновали опасноссть, взгляни и, улыбаясь, думай объ опасноссяхъ минувшихъ!

III.

И вотъ мы въ семь любезномъ убѣжищѣ, защищенномъ утесами и листьями древесными, гдѣ только вѣтерокъ, качающій дерева и слабый ропотъ источника, прерываютъ робкія признанія любви. Иди, отдохни на любимомъ твоемъ мѣстѣ. Тамъ мохъ испещряетъ камень и лугъ всегда зеленъ. И можешь ли быть лучшее убѣжище для любовниковъ, которые бояться быть видимы!

Сии вѣщви, заслоняющія надъ нами небеса, сокроютъ насъ отъ нескромныхъ свидѣтелей, которые бы злобно шептали, что горделивая Люція, возвышенная родомъ и саномъ, Люція, о которой вздыхаютъ Лорды и Бароны, тайно идетъ въ сѣни лѣсочка видѣться съ бѣднымъ своимъ Артуромъ.

IV.

Но ты краснѣешь и вздыхаешь горестно! О Люція, для чего отвращаешь отъ меня взоры? Сей пламень ланитъ не производишь ли отъ причины тайной, отъ чувства сердца, которое ты не должна бы заспавлять отгадывать твоего Артура! О, взоры любовника пронцапельнѣ помраченныхъ взоровъ другихъ смертныхъ. Чудное сострастіе отгадываетъ имъ мысли любимой, если бы она и скрывала ихъ. Въ краскѣ лица твоего я читаю, Люція, смѣсь удовольствія и горести: любовь опѣнила ея щеки твои, но и гордость слышится въ твоёмъ вздохѣ. Наслаждаясь чувствомъ

радости, что сердце Артура тебя избрало, ты стыдишься, что твое сердце не сдѣлало выбора благороднѣйшаго. Какъ бы желая вдохнуть въ себя сладкое дыханіе вѣтерка, ты отворачиваешь лице, въ половину себя измѣняющее! Пойдемъ Люція, внимай наставнику твоему, ибо и любовь имѣешь часы поучительныя.

V.

Часто заботливый взоръ мой видѣлъ сію тайную скорбь, которую стараешься скрыть, сію, скоро пролетающую муку гордости, которая спрашивается уничтоженія. Въ великолѣпной залѣ, гдѣ ты, красавица моя, звѣзда сердець, открываешь праздникъ, — часто украдкою, съ такимъ же вздохомъ и также краснѣя, ты смотришь на Артура. На всѣ сокровища, на всѣ почести, не промѣняла бы ты любовника, прельщеннаго твоею красою; не захотѣла бы оставить меня на семь мшистомъ камнѣ, что бы дѣлать пронтъ съ моимъ соперникомъ. Для чего же тщетныя сожалѣнія о томъ,

что судьба отказала твоему другу въ знаменипомъ имени, въ обширныхъ владѣнiяхъ, въ Баронскомъ произхожденiи и многочисленной свитѣ? Небо дало ему въ удѣлъ мечъ, сердце и лиру!

VI.

Мечъ мой..... владѣющiй имъ долженъ молчать; но приближься Люцiя, приближься не боясь, когда воинъ произнесетъ мое имя: ты не услышишь поспыднаго для Аршура.

Мое сердце..... Ахъ, въ толпѣ сихъ гордящихся саномъ и предками царедворцевъ, естли хопя одно, которое бы также билось для любви и чести! Они хвалятъ блескъ твоихъ алмазовъ; но какъ для меня они блѣдны предъ твоими очами! Они хвалятъ перловыя вязи въ волосахъ твоихъ, а я вижу только какъ предестно сплешены; они говорятъ о богатомъ приданомъ твоёмъ, о безчисленныхъ земляхъ, о шиш-

лахъ и древнемъ своемъ родѣ, а я, я думаю только о рукѣ и сердцѣ Люціи, и не знаю смысла словъ ихъ. Но если бы я и былъ въ числѣ любимцевъ судьбы, и тогда бы почиталъ безразсуднымъ того, кто сердцу Люціи предпочитаетъ ея приданое и кому милѣе ей очей алмазы.

VII.

Лира моя..... она ничтожна; всѣ ея звуки заимствованы, какъ пѣсни птицы Колумбійской, которая поетъ только по подражанію (а); не опдаются пѣсни ея на берегахъ посвященнаго источника; не одарена она прелестію арфъ пограничныхъ; на струнахъ ея не звучитъ Слоганъ (б) Феодальный; радостные клики племенъ нашихъ не благодарили ея за прославленіе предковъ, и слава не вѣщала

(а) Пересмѣшникъ.

(б) Slogan; военный Шотландскій крикъ.

о ней на бесплодныхъ горахъ Каледоніи и долинахъ Англійскихъ. Никогда пѣсни арфы моей не награждены были сладостнѣйшею наградою для истиннаго Менестреля улыбкою прелестною красавицы Буклейга. Звуки ея вшорятся на берегахъ испочниковъ, и имъ внимаешъ только красота пустынная !

VIII.

Но повели, и — робкая лира будешъ пѣшь красавицъ и рыцарей спранспвующихъ ; оңа расскажешъ повѣсть о страшномъ очарованіи , которымъ наказалъ волшебникъ гордость юной дѣвушки, и преданія ея прельспяшъ слухъ любящихъ вымыслы ; ибо любитъ Люціа, какъ Коллинсъ (имя, худо мнѣ предвѣщающее), пѣвецъ согласный , котораго поздная награда будешъ лавръ надгробный долженспвовавшій бы обвинъ чело поэта, какъ Коллинсъ любитъ Люціа блуждашъ по брегамъ очарованныхъ и перяшъся, въ лабиринпахъ волшебныхъ ; любитъ

она блиспанія золошыхъ палапъ и мечпанія у ручья Елисейскаго. Такія пѣсни любипъ Люція — и вкусъ ея не долженъ ли рѣшипъ вкусъ поэта?

НЕВѢСТА ТРИРМЕНА

ИЛИ

ДОЛИНА СВЯТАГО ІОАННА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

I.

Гдѣ дѣва смертная, достойная быть супругою Трирменскаго Барона? Она должна быть любезна, постоянна, нѣжна, непорочна, скромна, весела, тихонравна, снисходительна, великодушна и рода знаменишаго..... любезна должна она быть, какъ первый лучъ солнца въ весеннее утро; постоянна, какъ голубокъ, лишенный своей подруги; нѣжна, какъ Менестрель, пѣвецъ любви; непорочна, какъ источникъ пещерный, котораго серебряныхъ волнъ не лобызалъ никогда лучъ солнечный; скромна она должна быть, какъ никогда непогасающая любовь юной дѣвы, какъ вечерняя молитва зашвор-

ника пустыннаго; пиха, какъ въперокъ, подобно воздуху исчезающій; но и жива, какъ листокъ легкій, который дыханіе его колеблетъ; снисходительна должна она быть какъ Государь въ шопъ день, въ который онъ на проиъ восходитъ; великодушна, какъ роса весенняя, оплодотворяющая землю; наконецъ кровь ея должна быть столь же благородна, какъ кровь, текущая въ жилахъ Плантагенетовъ. Такова должна быть дѣва смертная, чтобъ быть супругою Сира Роланда Трирмена.

II.

Нѣсколько часовъ уже вкушалъ успокоеніе сна Сиръ Роландъ де Во. Кровь его волновалась, дыханіе было тяжело: онъ только что возвратился съ бипвы съ Шотландцами. Долго продолжался набѣгъ и сокрушенные щипъ и шлемъ показывали, какъ упорна была бипва. Въ замкѣ Барона всѣ должны хранишь молчаніе, и Менестрели плѣняли его сладкими звуками арфъ своихъ только до

того времени, когда сонъ, какъ роса на холмъ, нисходилъ на грудь рыцаря.

III.

Было утро дня осеняго: солнце боролось съ волнами шумана, облачавшаго, какъ сребристая дымка, опдаленную вершину Скид-Дава. Разкрашенные окна Трирменскаго замка всѣ уже были озарены блѣднымъ упреннымъ сіяніемъ, когда мужеспвенный Баронъ, пробудясь опъ страха, громкимъ голосомъ призывалъ всѣхъ слугъ своихъ и спѣшилъ говорить имъ:

IV.

„Послушайте, Менеспрели мои, чья арфа сей часъ издала сей умирающій звукъ, споль нѣжный и сладостный, что онъ показался мнѣ голосомъ Ангела, зовущаго праведника при послѣднемъ его вздохѣ. Скажите мнѣ храбрые Вассалы мои, куда скрылась небесная дѣва, копной взглядъ споль непороченъ, поступъ споль прелестна и видъ Ангельскій! Перо орлиное украшаетъ черные ея во-

лосы. Она сей часъ проходила моею комнатою.

V.

Ришардъ де Брешипилль отвѣчалъ ему (онъ былъ глава пѣвцовъ Бароновыхъ).

— Мы хранили глубокое молчаніе, благородный правитель, съ самаго часа полуночи, съ того времени, когда звуки арфы нашихъ, подобные ропоту источника, погрузили шебя въ сонъ.

Не избѣгли бы внимательнаго слуха моего звуки слышанной арфы, хопя бы голосъ ея былъ также слабъ, какъ въ половину ушаенный вздохъ дѣвушки, копорая вѣришь, что любимецъ сердца ея близко.

Филиппъ Фаспвейштъ, начальникъ стражи, говорилъ Барону:

— Никто не переступалъ порога воротъ съ того времени, когда стражи наши поставлены вчера на посты свои. Я слышалъ бы шумъ шаговъ, если бы онъ и шакъ былъ тихъ, какъ паденіе листьевъ

увядшихъ , когда холодъ обнажаетъ дерева и вѣтеръ во все не свищетъ.

VI.

Баронъ оборотился къ Пажу своему:

„Подойди сюда, Генрихъ, сказалъ онъ ему; ты, копорого спасъ я изъ подъ развалинъ садовой бесѣдки въ прошъ день, когда мрачный замокъ, башенка и колокольня превратились въ огненные столпы и кровавымъ блескомъ осыпали гору Нинъ-Спанъ , а клики смерти, сквозь пожирающее пламя и вихри дыма оледѣняли сердца воиновъ.

„О, ты, вѣрнѣйшій изъ слугъ моихъ, осѣдай самага быспраго коня моего; спѣши въ башню Ліулфа и кланяйся мудрецу могущему ошъ Трирменскаго Барона.

„Онъ происходитъ ошъ древнихъ Друидовъ и Бардовъ Брепонскихъ , которые посвятили лиру свою прославленію Аршура Пендагрона и героя поющагося въ Дунмельрезѣ.

„Ему данъ пророческій даръ предковъ, и онъ, подобно имъ, можетъ полководать письма, изсѣченныя на утесахъ Гельвеллина. Ему извѣсны всѣ знаки небесныя и всѣ предвѣщанія. По снамъ таинственнымъ и печенію звѣздъ онъ предвѣщаетъ будущее счастье или несчастье, паденіе Государствъ и успѣхи битвъ.

„Ліулфъ изъяснитъ намъ на землѣ ли родилась очаровательница дѣвушка, которую я видѣлъ, или она существо воздушное, сославившееся изъ многообразныхъ цвѣтовъ радуги, или тѣней западнаго неба, какія являюся намъ въ снахъ мечтательныхъ. Если дышетъ она воздухомъ жизненнымъ, то я клянусь святымъ крестомъ, что кромѣ ея ни какая дѣвушка не успокоится близъ меня съ ширмомъ супруги Трирменскаго Барона.“

VI.

Вѣрный Пажъ уже на конѣ и скоро проѣзжаетъ зеленый Иршингскій лугъ и Киркосвальдскую долину. Эдень

противополагаетъ тщетное преняпствоіе пущи его; онъ миновалъ Пенриповъ круглой споль, знаменимый подвигами рыцарей; оставляетъ позади себя Майбургскіе камни, соединенные волшебствомъ Друидовъ и ѣдетъ по излучинамъ Эмонша до тѣхъ поръ, пока взорамъ его представляется Ульфское озеро.

VIII.

Генрихъ пустилъ коня по тропинкѣ, извивавшейся между озеромъ и холмомъ, и увидѣлъ наконецъ мудреца бѣловласаго, сидящаго на обломкѣ утеса, молніею опорваннаго опъ горы.— Мхи и дубовые порослы служили подушкою для спарца, а лисья гибкаго пополя качались, какъ балдахинъ надъ его головою.

Генрихъ сошелъ съ коня, почтительно приблизился къ величественному Ліулфу, объявилъ ему о порученіи своего Повелителя и просилъ совѣсовъ у спарца.

Долго размышлялъ сынъ вѣковъ, чпобъ сообразъ въ своей памяти сокровища вѣковъ упекшихъ; попомъ, какъ бы

пробудясь послѣ сна продолжительнаго, онъ отвѣчалъ торжественно:

IX.

„Дѣва сія земная красавица и смертный получить ея можеть, хотя болѣе уже пяти вѣковъ пропекло со дня ея рожденія.

Но гдѣ же рыцарь Сѣвера, который бы осмѣлился предпринять подвигъ, столь гибельный, какъ подвигъ въ долину Святаго Іоанна? Слушай, Пажъ юный, что хочу повѣствовать тебѣ, начерпай въ памяти рассказъ мой и не удивляйся, если перенесу тебя въ повѣспи моей къ оспашкамъ временъ, столь отъ насъ далекихъ. Сія чудная повѣспь передана мудрецамъ и Бардамъ отъ временъ Мерлина.

ПОВѢСТЬ ЛІУЛФА.

„Король Артуръ послѣ дня Троицы оставилъ укрѣпленія Карлильскія и путешествовалъ, какъ странствующій рыцарь. Солнце лѣпнее украшало сіяніемъ щихихъ лучей горы, утесы мшистые и пространныя долины. — Надъ пустынною степею Артура возвышалась утесистая вершина Парамаза. Лучи солнечные сіяли среди мраковъ темныхъ пещеръ; но блескъ ихъ не достигалъ равнины озера, на мрачномъ зеркалѣ котораго отражались шѣни звѣздъ и тогда, когда полдень сіяетъ на горизонтѣ. Храбрый Государь объѣхалъ кругомъ сію знаменитую гору. Здѣсь утесы возвышались на утесахъ и вырвавшіеся изъ расщелинъ ихъ источники, соединялись съ ревущею рѣкою, но борясь съ преонами, по шереясь изъ виду въ глубину мрачной долины.

И Артуръ думалъ, что сія дикая пустыня, сіи романическія развалины са-

мою природою предназначены быть театрами какого нибудь великаго подвига.

XI.

Исполненный смѣлости Государь, лучше любилъ, облеченный кольчугою, лещѣть на встрѣчу приключеніямъ въ лѣса и горы, нежели подъ балдахиномъ шрона своего въ великолѣпной парчевой и горностаевой одеждѣ быть празднымъ.

Звукъ копья неприятельскаго, сокрущеннаго на лапахъ Артура, пріятнѣе лести царедворца льстилъ его слуху. Пѣснямъ Менеспрелей Регедскихъ, поющихъ славу Государя своего, предпочиталъ онъ гремящіе по шлему воина удары Калибурна: лучше любилъ опдыхать въ пѣняхъ лѣсовъ и на берегахъ рѣки, нежели въ спальнѣ супруги своей Королевы Женіевры. Опъ прелестной Государыни своей лещѣлъ онъ къ бипвамъ и опасностямъ, не безпокоясь, что въ его отсутствіе она улыбалась храброму Ланцелоту.

XII.

Скоро густѣйшіе мраки облачили землю и хопя вершина горы еще покрыва была злапыми и пурпуровыми волнами; но подошва ея, гдѣ день не сіялъ уже, представляла взору только черные утесы и ревущія воды источниковъ. Артуръ съ прудомъ ѣхалъ пустыннымъ Трелкедскимъ лѣсомъ, пока въ сторонѣ увидѣлъ узкую долину Св. Іоанна, съ которою заходящее солнце, казалось, распавалось съ сожалѣніемъ. Обрадованный, что снова можетъ чувствоватъ сладостное вліяніе лучей солнечныхъ, Король остановилъ коня своего, ослѣпленнаго симъ внезапнымъ сіяніемъ и, держа ганшелетъ (а) надъ глазами, долго разсмапривалъ прелестную долину. Вооруженіе его блиспало, какъ пламя сигнала.

XIII.

Защищенная цѣлью горъ долина была шихой оградой; зеленый лугъ ея орошалъ

(а) Стальная рыцарская перчатка.

прозрачный ручей. Среди долины возвышался замокъ , увѣнчанный башенками , висящими на воздухѣ и окруженный сполнами и болверками. Башня и пространный Донжонъ (а) замка видѣлись изъ далека. Повѣствуютъ , что въ древности великанъ воздвигъ крѣпкія стѣны сего замка, чтобъ защищаться отъ горделиваго Немврода.

Надъ широкимъ рвомъ висѣлъ огромный подъемный мостъ , какъ бы неприятель грозилъ замку. Дубовая въ ворохахъ калишка , крѣпкая , какъ мѣдь , желѣзные запоры и раздвоенные презубцы, прошиву-поставляли осаждающимъ непреодолимую преграду. Но ни одно знамя не волновалось на зубцахъ ; спражи не было на

(а) Donjon башенка на замкѣ , самое возвышенное мѣсто въ замкѣ, которое строится на подобіе башни. Такъ во многихъ Словаряхъ переведено это слово, и я принужденъ былъ оставить Французское названіе.

Перев.

высотѣ башни, за мостомъ не спояли
воины, а подъ гопическимъ сводомъ во-
рошъ не было ни сѣкирь, ни колчана.

XIV.

Три раза объѣхалъ Аршуръ во кругъ
укрѣпленій мрачнаго замка, но не видалъ
ни одного живаго существа, не слыхалъ
ни какого звука, кромѣ голоса совъ, ко-
ихъ гробовое пѣніе сливалось съ шумомъ
водъ, капающихся во рвахъ крѣпости.

Король сошелъ съ коня, далъ ему волю
щипать луговую траву и началъ мед-
ленно всходить по узкой проинкѣ, ве-
дущей къ ворошамъ, сѣровапаго цвѣта.
Взошедши подъ внѣшній сводъ, онъ смѣло
рѣшился затрубить въ рогъ, надѣясь зву-
комъ его пробудить опъ продолжитель-
наго сна спража чернаго Донжона, ко-
торый казался ему жилищемъ свирѣпаго
волшебника, гнуснаго домоваго, или ка-
кого нибудь язычника — великана, пира-
на доины.

XV.

Два раза Монархъ надувалъ рогъ слоновой кости, и два раза оппималъ его; но не думайте, что не было у него мужества. На щитѣ Аршура изображался Свяшый крестъ, и если бы армія язычниковъ прошивостпала ему, онъ смѣло бы пустился на нее; но молчаніе сего древняго зданія ппягопило его сердце, и онъ съ минушу медлилъ. Когда же раздался звонкій рогъ, вдругъ ворота отворились; рѣшетка ихъ съ прескомъ поднялась до каменнаго фальца; перекладины подѣмнаго моста препенца опустились. Ничто не препенствовало болѣе идши Государю—Рыцарю, и онъ вошелъ подъ мрачные своды, вооруженъ необходимымъ калибурномъ.

XVI.

Внезапный блескъ спа факеловъ разсѣялъ мрачную темноту, покрывающую стѣны, и изумленный Король увидѣлъ жителей замка; но они были ни волшебникъ свирѣшый, ни домовый отвраши-

пельный, ни великанъ безмѣрный и ни языческій рыцарь. Нѣтъ, но лампы, разливающія благовонія, освѣпили пріятнымъ блескомъ своимъ толпу юныхъ красавиць. Онѣ подбѣжали, какъ легкія волны, скачущія по берегу, и сто голосовъ повпорили нѣжное привѣщаніе, и сто рукъ прелестныхъ напали на кольчугу Государя, наперерывъ развязывая спальные кольца и застежки. Одна изъ дѣвушекъ надѣла на Короля великолѣпную маншію; другая лила ароматы на его волосы; прешья увѣнчала его гирляндю изъ миртъ. Никогда жениха не одѣвали въ день брака съ такимъ стараніемъ и веселостію.

XVII.

Юныя красавицы всѣ смѣялись. Напрасно Король умножалъ вопросы; онѣ оставляли его просить и умолять; но отвѣтомъ былъ новый громкій смѣхъ. Потомъ вздумали красавицы оковать Короля, и цѣпи были, прекраснѣйшіе весенніе цвѣты. Пока нѣкоторые испо-

щали все усилия нѣжныхъ рукъ, увлекаая Аршура, другія смѣлѣйшія, понуждали идти его, ударяая букешами лилій и розъ.

Четыре юныя дѣвушки несли копье Тиншашгеля, и двѣ изъ нихъ, казалось, съ шрудомъ могли держашь долгой клинокъ калибурна (а). Одна, спараясь принять на себя воинственный видъ, хощла надѣть шлемъ Героя, и вскрикивала ошъ удовольствія и удивленія, когда онъ спускался на глаза ей. Такимъ образомъ шла сія рѣзвая толпа весело, съ восклицаніями и шоржеспивенными шеніями.

XVIII.

Плѣннаго Короля провели множеспвомъ галлерей и комнаташъ. Наконецъ свита остановилась подъ прекраснымъ поршикомъ. Старшая изъ красавицъ (ей было осьмнадцать лѣтшъ), съ видомъ шоржеспивеннымъ подняла руку, велѣла почпипельно молчашь при встрѣчѣ Королевы,

(а) Смощри примѣчанія.

и всё подруги ея умолкли. Но при взглядахъ, украдкою бросаемыхъ на Короля, скрываемый красавицами смѣхъ измѣнялъ имъ въ ямочкахъ щекъ и въ очахъ, одушевленныхъ веселіемъ.

ХІХ.

То, что было въ сіи вѣка героическіе, нынѣ живеть только въ пѣсняхъ Менестрелей. Природа, испощенная уже въ наши времена, тогда щедра была на доброе и злое. Тогда сила была—гигантская, мужество — производило чудеса, наука проникала за сводъ небесный, а красота одарена была прелестями, съ которыми даже мечпы нынѣшнихъ любовниковъ сравниться не могутъ. Но и въ сіи романшическіе вѣка, никогда смертный не видалъ красоту, столь обольстительныхъ, какія поразили ослѣпленные взоры Артура, когда въ семь очарованномъ жилищѣ, среди толпы прислужницъ и пажей, появилась царица замка. Медленно проходя портикъ, она бросила на Государя выразительный

взглядъ черныхъ глазъ , и живой румянецъ запылалъ на щекахъ ея. Пльненный, смущенный Аршуръ , едва могъ выдержать сей помной взглядъ. Если бы какой нибудь мудрецъ стоялъ близъ Артура въ то время, когда швердосць душевная боролась въ немъ съ любовію, онъ шепнулъ бы ему: Государь! будь на спражѣ швоей, опнимай добычи у яросшнаго шигра, преслѣдуй упомяннаго льва, заграждай путь свирѣпому дракону; но избѣгай обольспительной сѣши красопы.

XX.

Но борьба сія скоро кончилась , когда дама приближилась къ храброму госпо съ симъ прелеспнымъ взоромъ , въ которомъ женщины соединяюшъ ласковость и гордосць шакъ искусно, что покоряюшъ и обольщаюшъ сердце.

Сдѣлавъ сперва учпвное привѣшствіе Артуру, она просила его попомъ извинишъ резвости вѣпренныхъ ея прислужницъ , которыя, родясь въ пустынныхъ пещерахъ, не умѣли воздашъ благо-

родному чужестранцу должныхъ почестей; просила одолжить ее: согласиться принять на сію ночь гостепріимство ея замка.

Монархъ съ скромною признаательно-спію согласился, и по мановенію госпожи, пиръ былъ готовъ: пѣсни, повѣсти, шутки, сократили печеніе вечера.

XXI.

Дама сидѣла подлѣ Государя. Въ свою очередь, она сдѣлалась и скромною и смущенною и, казалось, хладнокровно слушала слова Аршура, который говорилъ съ нею тихо. Взоръ царицы былъ скромень и откровенень; но въ немъ видна была тѣнь принужденія, и она, казалось, беспокоилась, скрывая въ мысляхъ что-то тайное. Она часто останавливалась въ срединѣ отвѣта; пошуняла черные глаза и шайла слабые вздохи, волновавшіе полную бѣлоснежную грудь.

Это только признаки; но какъ па-спухъ предузнаешь, что сквозь туманы, облачающіе утреннее небо, проникаетъ

солнце ; такъ и Монархъ видѣлъ изъ принужденной оспорожности въ словахъ, что сердце дамы пышало спраспи, пламеннѣйшіе пѣхъ , которыя сіяли въ ея взорахъ.

Съ каждымъ спукомъ бокаловъ , возбуждалась большая веселость въ прислужницахъ и въ пѣсняхъ Менеспрелей, и съ каждымъ спукомъ бокаловъ , Король спановился болѣе и болѣе неопступнымъ.

Но для чего говорить болѣе ? На что рассказывать, какъ торжествуютъ рыцари , когда красавицы внимаютъ имъ ? Для чего доказывать, какъ изъ причины, ничего незначащей , испекаетъ спраспи тиранническая, совершенно насъ порабащующая ? И кто изъ смертныхъ не испыталъ, что шалость ведетъ къ глупости, а глупость къ прегрѣшенію.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

НЕВѢСТА ТРИРМЕНА

ИЛИ

ДОЛИНА СВЯТАГО ІОАННА.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЛУЛФОВОЙ ПОВѢСТИ.

I.

Проходитъ день, потомъ другой и потомъ еще день проходитъ.

Саксонецъ свирѣпый, Дапчанинъ идолопоклонникъ, снова опустошаютъ берега Британскіе, а Аршуръ, цвѣтъ Христіанства, влачитъ жизнь безпечную въ замкъ красавицы; а звукъ рога его, страшнаго врагамъ, заставляетъ трепетать только Кумбрійскихъ оленей; а калибурнъ, гордость рыцарства Англійскаго, дѣлается бесполезнымъ украшеніемъ воина, окованнаго любовію.

II.

Проходишь день, попомъ другой и попомъ еще день проходишь.

Забывая геройскія намѣренія свои посреди забавъ, Аршуръ не думаетъ уже о Кругломъ Сполѣ, и погашая жизнь въ любви незаконной, не помнитъ прекрасной супруги; ему пріятнѣе похищать цвѣтокъ съ груди своей красавицы, нежели опнять у Саксонскаго рыцаря знаки чести, развѣвающіеся на перьяхъ его шлема; ему пріятнѣе украшать черные волосы свои перьями цапли, убитой его кречетомъ, нежели осѣнять олтари Хрисповы знаменами, завоеванными у невѣрныхъ.

Такъ день за днемъ пролетала безславно жизнь Аршура; но погружившая его въ сей обольстительной сонъ пренешала, видя, что приближается часъ пробужденія.

III.

И земныя прелести дѣвъ смертныхъ столько могущественны, что могутъ

соврашили съ трудной пропипки добродѣтели; но прелести Гвендолены помрачали всѣ прелести смерпныя. Мать ея умѣла понравиться духу земли, во власти котораго были нѣкогда хитроспипи любовниковъ и побѣды красавиць. Долго богошворило его Бритпанское юношество и посвящало въ честь ему пляски и гимны священные до того времени, когда крестъ показался на землѣ Албіона и огонь на жершвенникахъ язычества угасъ.

Тогда-шо отецъ Гвендолены прокляналъ въ Васпдальскомъ уединеніи потерю власпи своей, и, завѣщая дочери ненависть свою, какъ наслѣдство, научилъ ее искусству обманывать смерпныхъ, покрывать спыдомъ и погружать въ роскошь знаменитыхъ защитниковъ имени Христіанскаго.

Сп собная обольщать, обѣщающая все, и ни для кого и ничего не исполняющая, Гвендолена ласкала надеждамъ робкихъ юношей, но поступала также жестоко и съ шѣми, которые были и смѣлѣе и

настоятельницаѣе. Какъ дѣти удаляюшя отъ дома родительскаго , чтобы добѣ-
жалъ до радуги , такъ и любовники ея
отказывались отъ почтенія , вѣрности
и славы для обольщенія сна!

IV.

Такъ до прибытія Артура , употре-
бляла Гвендолена всѣ хитрости для по-
коренія сердець ; но съ нимъ въ движе-
ніяхъ сердца ея имѣла уже участіе и
слабость человѣческая: какъ дочь смерт-
ной, она забыла всѣ наставленія отца ,
и изъ царицы сдѣлалась рабой покор-
ною. Съ горестію, но поздно уже узнала
Гвендолена, что потому, кпо все имѣешь,
не чего болѣе надѣяшься! Гвендолена ви-
дѣла , что рука любовника часто пробо-
вала разорвать слабую цѣпь , которою
она оковала его , и что надобно укрѣп-
лять каждое кольцо цѣпи , мало по малу
перетирающееся. Прелестная, она призы-
ваетъ еще и искусство на помощь напурѣ.
Всѣ веселія раждающя по слову Гвен-

долены: пиры, шурниры, пляски. Она прибѣгаетъ и къ памяти, чтобы развлечь Аршура пріятными повѣстями. Поперемѣнно мудрая, свѣше смертной, и слабая, какъ женщина, по соглашаясь на все съ воспоргомъ, по опказывая какъ бы изъ опвращенія, Гвендолена упошребляла всѣ обольщенія, удержашъ въ оковахъ сердце непоспоянное, и — напрасно все!

V.

Такъ въ узкомъ пространствѣ сада, огражденнаго укрѣпленіями готическаго замка, рука искуснаго художника старается скрыть его границы: онъ располагаетъ аллеи лабиринтами, искусно соединяетъ курпины деревъ, украшаетъ цвѣтники цѣпью цвѣтовъ и кустовъ зеленыхъ. Онъ хочетъ обольстить странника, заславивъ его съ удовольствіемъ остановившись на прелесныхъ дорожкахъ; но тщетныя хитрости, тщетныя надежды! все напрасно: мы придемъ на-

конецъ къ печальной спѣнѣ и, разочарованные цвѣтами и деревьями, обработанными рукою челоуѣка, вздохнемъ о проспранной шѣни лѣсовъ!

VI.

Прошекли при мѣсаца, и Артуръ, голосомъ челоуѣка смущеннаго, началъ говорить о своихъ подданныхъ, о проиѣ, о помѣ, что онъ слишкомъ уже долго прожилъ въ семь убѣжищъ; что обязанности, законъ для Государя, обязанности, неизвѣсныя другимъ, принуждающъ его вырваться изъ объятій Гвендолены.

Молча слушала она, и только вздохъ горестный показывалъ ея досаду. Взглядъ Гвендолены заставилъ прелетать Артура, который нѣсколько разъ начиналъ говорить и останавливался. Униженный видъ Короля доказывалъ, что онъ виновенъ въ помѣ, въ чемъ старался оправдать себя.

Онъ умолкъ. Гвендолена съ мишуту разсмапривала его, не отвѣчая; потомъ подняла глаза къ небесамъ и закрыла одною рукою чело, скрывая слезу, измѣнявшую ея гореспи. Другая рука жала складки плащя.

III.

И взоръ, и положеніе выражали упрекъ. Совѣсть Монарха пробудилась; онъ слышя воскликнуть: „Нѣтъ, нѣтъ Гвендолена, не думай шакъ дурно о Артурѣ, не думай, чшобъ могъ онъ оставишь залогъ любви взаимной! Клянусь Державою и мечемъ, какъ Государь Бришаніи и Рыцарь, клянусь, что если подаришь меня сынѡмъ, то сынъ мой будетъ наследникомъ царства; но если судьба даруетъ мнѣ дочь, я хочу избрать ей достойнаго супруга; хочу, чшобъ рыцари мои цѣлый день бились въ огражденномъ полѣ, рыцари храбрѣйшіе земли моей, и шопъ, колпораго мужество его сдѣлаеть первымъ, шопъ шолько пріобрѣтеть права на руку нашей дочери.“

Такъ говорилъ Артуръ голосомъ увѣришельнымъ и швердымъ. Гвендолена не удостоила его отвѣтомъ.

VIII.

На разсвѣтѣ другаго дня, когда лѣсный пѣвецъ не запѣлъ еще упреннюю пѣснь свою, и движеніемъ крыль не спряхнулъ ни одной капли росы съ кустарника; когда первый лучъ солнца шихимъ сіяніемъ не разогналъ еще тумана, облачавшаго зубцы замка, воропа его заскрыпѣли на крюкахъ своихъ, подъемный мостъ опустился и Артуръ выѣхалъ изъ крѣпости. На немъ, вооруженномъ съ головы до ногъ, волновалась маншія изъ драгоцѣнной Персидской шкани; конь Ливійской гордо прыгалъ подъ славнымъ сѣдокомъ и ржалъ радостно.

Монархъ, котораго сердце терзалось угрызеніями совѣсти и сожалѣніемъ о уменьшавшихъ наслажденіяхъ, вздохнулъ и — вдругъ удивленнымъ взорамъ его предстала Королева Гвендолена.

IX.

Она дожидалась его за послѣднимъ рвомъ. На ней было охотничье плащье; сандалии защищали ступени ногъ обнаженныхъ; орлиное перо украшало волосы. Взоръ Гвендолены былъ твердъ, поступь смѣлая, а въ рукѣ ея сіялъ золотой кубокъ.

„Ты покидаешь меня, сказала она, и ни въ радости, ни въ горести мы не должны болѣе видѣться! Желала бы опдалить сей злополучной часъ; но ты удостоишь ли меня послушаться? Нѣтъ! Во взорахъ твоихъ вижу твое рѣшеніе! Подожди и по крайней мѣрѣ разспанемся, какъ вѣчные любовники и друзья!

Она показываетъ ему кубокъ.

„Здѣсь, — продолжала — не грубый сокъ земнаго винограда. Насладимся же, прощаясь, симъ напитокомъ духовъ.“ Сказала, и — выпила кубокъ до половины. И съ румяныхъ щекъ ея исчезаетъ румянецъ и очи перяютъ живой блескъ свой.

X.

Учпвивый Монархъ преклоняется на сѣдлѣ, принимаетъ кубокъ и приближаетъ его къ успамъ. Съ краевъ сосуда спекаетъ одна капля, и, какъ льющееся пламя ада, падаетъ на шею лошади. Заржавъ отъ боли и испуга, конь вспрыгнулъ на двадцать футовъ.

И земледѣльцы еще и нынѣ показываютъ знакъ подковы коня на камнѣ, на который онъ прынулъ.

Артуръ бросаетъ кубокъ, изъ котораго льется пожирающая жидкость. Конь лепитъ быспрѣ проспи, пущенной съ веревки лука; узда, не можетъ остановить быспропы его, пока не долетѣлъ онъ до вершины холма. Но здѣсь не спало уже у него ни силъ, ни дыханія: падаетъ, испощенный спремѣльнымъ бѣгомъ, неподвижный и мертвый.

Монархъ, чуть дыша и смущенный отъ удивленія, обращаетъ голову и ищетъ глазами роковой замокъ. Но не видитъ

ни донжона, ни башень; и тамъ, гдѣ черные камни ихъ рисовались недавно на лазури небесной, тамъ рѣка пуспынная кашила рошущія волны округъ вышины, на кошорой виднѣлись обломки скалъ.

Мечшая о семъ чудномъ приключеніи. Король возвращается въ Карлисъ и стараешя попеченіями власти Королевской изгладить воспоминаніе о прошедшемъ.

XI.

Минуло пяшнадцать лѣтъ, и каждый годъ чело Аршура украшалось новымъ вѣнцомъ. Двѣнадцать кровавыхъ побѣдъ, съ честію приобрѣщенныхъ, покорили Саксонцевъ. Брипанія освободилась отъ Ришона, спрашнаго великана, сокрушеннаго вѣрнымъ мечемъ Государя. Пиктъ, Гилламоръ и Римлянинъ Люцій, уважали его мужество. Въ цѣломъ мірѣ гремѣла слава Круглаго Сипола: всякой рыцарь, влюбленный въ славу и приключенія, приѣзжалъ къ Брипанскому Двору. Всѣ, кошорыхъ угнѣшала жестокошія какогo

вибудь свирѣлаго пирана, искали покрову у прона Аршурова, и — никогда вошще не умоляли его о помощи.

ХІІ.

Въ день Троицы Король повелѣлъ собраться Двору и рыцарству; и оповсюду созваны были Принцы и Перы — всѣ дѣлающіе честь своему опечеству; храбрые, желавшіе принять шипло рыцаря изъ руки Аршура и наконецъ угнѣпенные, копорымъ была нужна защита. Торжеспвовали игры и праздники, и особенно воинскіе турниры. Не одинъ подвижникъ чужеземный хопѣлъ изломать копье свое на сихъ каруселяхъ. Каждый рыцарь Аршура, изключая только шѣхъ, копорые спранспвовали въ земляхъ опдаленныхъ, желалъ предстать предъ него въ день Троицы.

О, Менеспрели, какой благородный предметъ имѣли вы для вашихъ пѣсенъ торжеспвенныхъ, когда всѣ воинспвенники Круглаго Стола собрались! Пяшь вѣковъ прошекли съ того времени; но.

вселенная разрушится прежде, нежели Англійскій тронъ будетъ сіять подобнымъ блескомъ !

XIII.

Герольды объявляли, гдѣ назначалось съѣзжаться рыцарямъ. Мѣста сіи были Керлеонъ или Камелотъ, и часто Карлисъ; но настоящій праздникъ поржеествовали въ Пенрипъ, и цвѣтъ Христіанства собрался въ прелестной долинь Эмонпской. Здѣсь удивлялись прелестному и мужественному Галааду, котораго лице было миловидно, какъ лице дѣвушки; Марольду съ желѣзною палалицею; Тристану, столь несчастному въ любви; Динадаму съ проницапельнымъ взглядомъ; Лагвалю съ очаровапельнымъ копьемъ; Мардреду Косоглазому, и наконецъ Брюнеру и Бевадеру. И нужно ли еще напоминать о Сирѣ Геѣ, Сирѣ Баніерѣ, Сирѣ Борѣ, Сирѣ Кородакѣ, о любезномъ и нѣжномъ Гавенѣ, Гекторѣ Марѣ, Пеллинорѣ и Ланцелотѣ, изъ которыхъ послѣдній болѣе и болѣе влюбля-

ась въ Королеву, смотрѣлъ на нее украдкою.

XIV.

И въ ту минушу, когда кубки чаще кипѣли и пѣнились виномъ, а Арфисты играли самыя веселыя свои пѣсни, внезапно рѣзкой звукъ трубы поколебалъ землю. Маршалы турнира очистили мѣсто въ оградѣ.

Юная дѣвица, на бѣломъ конѣ, сопровождаемая свитой прекрасныхъ дѣвушекъ, приблизилась прелестно, сошла на землю и преклонила колѣна предъ Королемъ.

Арпуръ не могъ видѣть безъ сердечнаго движенія горделиваго вида дѣвушки, умѣряемаго почтеніемъ; охотничьяго ея плашья, лука и перевязи, шипой золотомъ, сандалій, обнаженныхъ ногъ и пера орлинаго, украшавшаго волосы. Дѣвушка отбросила покрывало, и Король, вставая съ престола, едва не воскликнулъ: Гвендолена! Но это было лице, болѣе опкровенное и менѣе правильное,

середина между женщины и ребенка, лице, въ которомъ было меньше красины магической, нежели невинной улыбки дщерей человѣческихъ. — Въ величавой горделивости чела, можно было узнать черты Королевскаго поколѣнія Пендагровновъ.

XV.

Дѣвушка сказала запинаясь :

„Великій Государь! предъ тобою сирота, которая пришла именемъ матери, уже несуществующей, просить покровительства отца, которое онъ обѣщалъ ей. Клятва сія произнесена въ уединенной долинь Св. Іоанна.

Король поднялъ просительницу, напечатлѣлъ поцѣлуй на челѣ, хвалилъ красоту ея и сказалъ, что исполнилъ клятву прежде, нежели солнце погрузится въ волны океана. Взглядъ, брошенный имъ на Королеву, выражалъ признаніе въ старой слабости. Но Женіевра безъ смущенія отвѣчала ему, что она снисхо-

дипельна къ слабости человеческой, и, улыбаясь, обратилась къ Ланцелоту.

XVI.

— Вставайте, вставайте храбрые рыцари! Возьмите щиты ваши, мечи и копья! Кто заслужитъ награду мужества, тотъ получитъ руку моей Гиены. Дочь Арпурова принесетъ богатое приданое своему супругу. Даю ей Спрад-глицъ и Регедъ, городъ и замокъ Карлисль.

И со всѣхъ сторонъ раздались голоса храбрыхъ рыцарей, которые кричали конюшимъ и пажамъ своимъ: подай мнѣ оружіе! подведи коня моего! не каждый день мужество можешь приобрѣсти царственную невѣсту!“

Мантіи и поги торжественныя брошены лежатъ въ сторонѣ; шлемы и копья блистающъ; звучатъ спальные панцыри. Мирныя одежды брошены, и поднимаетъ ихъ кто хочетъ; на перновникѣ и другихъ кускахъ блистающъ дарчи и перловыя ожерелья.

XVII.

Звукъ трубный собираетъ пятьдесятъ рыцарей Круглаго Стола. Всѣ они предстали оспоривать благородную награду, имъ обѣщанную; всѣ, кромѣ трехъ. Ни кляшвы любви взаимной, ни обѣщанья Гимена, не останавливаютъ храбрыхъ.

Напрасно дамы, вздыхая, смотрятъ на рыцарей, чтобъ имъ напомнить о правахъ своихъ, залогахъ любви и вѣрности. Они такъ заняты своими перевязями и шпорами, что не слышатъ вздоховъ, не видятъ взглядовъ дамъ своихъ. Каждый, отворачиваясь, говоритъ самъ себѣ: „если конь мое поможетъ мнѣ, и Королева сдѣлается моею невѣстою, то она принесетъ мнѣ въ приданое Спрадгидъ, Регедъ, городъ и замокъ Кардисль; но всего лучше то, что никогда корона не сѣняла чела царицы, прекраснѣе ея!“

И спѣшатъ сѣсть на сѣдло и опустить наличники шлемовъ,

XVIII.

Всѣ они, съ головы до ногъ вооруженные, съѣхались въ ристалище; только прехъ рыцарей Аршурова двора не было на турнирѣ. Слава провозглашаетъ еще и доселѣ сихъ прехъ любовниковъ, какъ примѣръ поспоянства. Двое изъ нихъ любили женъ ближняго и одинъ свою. Первый былъ Ланцелотъ, владыка озера, впорый Тристанъ и послѣдній мужественный Кародакъ, получившій золопой кубокъ въ то время, когда торжествовалъ онъ при забавномъ доказательствѣ, убѣдившемъ придворныхъ Аршура, что у одного Кародака вѣрная жена.

Напрасно зависть шептала, что если бы стыдъ не удерживалъ Кародака, онъ пожертвовалъ бы и женою и кубкомъ, чшобы быть на карусели. Среди блестящаго двора Аршурова, онъ одинъ осмался вѣренъ священному таинству брака. И такъ пускай злословитъ его, кто хочеть, но я съ почтеніемъ говорю о Кародакѣ.

XIX.

Кони скачуть во кругъ; прапоры и волнующіяся перья вѣютъ; рыцари пролезаютъ поприще въ блестящей турнирной одеждѣ.

Но въ сей часъ опасный, Артуръ съ гореснію сморгнулъ на цвѣтъ рыцарства, оплотъ вѣры и щитъ Государства. Поздно подумалъ онъ о бѣдствіяхъ, копорыя могутъ произойти отъ битвы рыцарей на смерть, ибо зналъ, что они не согласятся расстаться прежде, пока смерть оледенишь не одно изъ сихъ сердець, кипящимъ мужествомъ. Онъ проклиналъ уже безразсудной обѣтъ свой, опвелъ Гинету въ спорону, вручилъ ей скиптръ; но даль слѣдующіе спрое и благоразумные совѣты:

XX.

—, Ты видишь, дочь моя, что связанный класвою, я повелѣваю звуками роговъ возвѣспишь турниръ, Возьми мой скиптръ будь царицею и миропворцемъ турнира, но слушай меня внимательно: если кра-

сѣна есть звѣзда, съ которой рыцари обращаются непрестанно, если по первому своему слову обнажаютъ они мечи и почищаютъ похвалы свои сладоснѣйшею наградою, то должно, чѣтобъ крошечная красавица не подвергала рыцарей подвигамъ труднымъ и бесполезнымъ. Очи ея должны быть подобны звѣздамъ близнецовъ, укрощающимъ волнуемое море, а голосъ красавицы, словами мира, долженъ прекращать бурю бранную. Такъ говорю тебѣ, дочь моя для того, чѣтобъ рыцари сѣи не сдѣлали шурнира наспоющею битвою. Пускай переѣдутъ они ограду по звуку роговъ; пускай наносятъ взаимные удары: это не новички, оспавляющіе битву, если погнѣтся шлемъ или конь устанетъ. Но, Гинета, когда сраженіе сдѣлается пламеннѣе; когда они будутъ угрожать другъ другу смертію или ранами смертельными, то опецъ умоляетъ тебя, Государь повелѣваетъ тебѣ опустить вѣряемой скиптръ. Вѣрь судьбу свою родителю; не сомнѣ-

вайся, чтобъ не избралъ я супруга до-
стойнаго тебѣ, не допусти сказать,
что гордость Гинешы похишила цвѣ-
шокъ съ Артуровой короны!

XXI.

Румянецъ стыда и гордости оскор-
бленной покрылъ розами бѣлое, какъ
снѣгъ, чело Гинешы; рука ея оставила
скипшрѣ родительскій.

— „Сохрани же, Государь, ограниченные
дары твои женщинѣ, не столь возвы-
шеннаго рода, сказала она. Нѣтъ въ Саксо-
ніи Князя, котораго бы столь мало доро-
жилъ наслѣдникомъ своимъ, какъ Король
Британіи мало дорожитъ Гинешою,
хотя все приданое загорѣлой отъ солнца
дочери сельскаго помѣщика составляетъ
жилище родительское и утѣсъ бесплод-
ный. Какъ рыцарь, какъ Государь Бри-
таніи, клялся Артуръ въ долину Св.
Юанна мечемъ своимъ и короною, что
храбрые рыцари его, храбрѣйшіе во все-
ленной, будутъ биться цѣлой день.

Отрекись отъ кляпвы, и — бѣдная Гинета возвратиися въ свою опечесивенную долину. Пяпно, очернившее твоей мечъ и твою корону, не очернишь твоей дочери: не думай, чтобъ я согласилась отказатья отъ дѣвства, если не могу дать руки моей храбрѣйшему изъ рыцарей! Дочь Пендагрона не боится спуга желѣза и блеска копій; ужась не заставишь отступить ее при видѣ крови. Печальная Гвендолена слишкомъ научила меня знать невѣрность чловѣковъ: не жалѣю объ нихъ, когда получаютъ они доспойную награду!“

XXII.

Мужественный Монархъ яростно взглянулъ на дочь; попомъ, вздохнувъ, сказалъ:

— Согласенъ ибо не могу отказать. — Ни опасность, ни страхъ, ни смерть, не заставятъ Аршура нарушить свое обѣщаніе. Вижу, но поздно слишкомъ, что мать твоя оставила въ наследство дочери безжалостное свое серд-

це.... Не осуждаю ее : она мстила за оскорбленія ; но ошибки мои должны ли бытъ изглажены сими храбрыми ? Дѣлай же изъ скипшра моего употребленіе , какое хочешь ; но клянусь , что если хошя одинъ изъ рыцарей лишится жизни , то Гинета пошеряетъ мѣсто въ сердцѣ моемъ , которое бы должна имѣть въ немъ , какъ дочь Артура. — Сказалъ и опворопился : онъ не могъ сн^осить гордости Гинеты , съ какою держала она въ рукѣ подняшый скипшръ , посредникъ жизни и смерти. Артуръ не смѣлъ болѣе взглянуть на храбрыхъ рыцарей , въ порядкѣ входящихъ въ поприще , ибо звукъ трубный печалилъ слухъ его , какъ звонъ погребальнаго колокола. Въ первый разъ герой Британскій опвращалъ глаза свои отъ зрѣлица битвъ.

XXIII.

А Гинета внимала сему шумящему звуку роговъ съ шакою же радоснію , какъ яспребъ радуется , услыша крикъ рябчика. И должно ли порицашь ее? Кровь

текущая въ жилахъ Гинеты, изтекла изъ сердца, препетавшаго отъ восторга при звукахъ брани. Впрочемъ самая робкая женщина могла бы съ минушу смотрѣшь безъ страха на взаимные удары сихъ храбрыхъ рыцарей: такъ велико было искусство ихъ въ нападеніи и защищеніи. Битва рыцарей была невиннымъ зрѣлищемъ до тѣхъ поръ, пока кольчуги и сталь, ихъ защищавшія, сопротивлялись еще ударамъ. Поприще усѣяно было разноцвѣтными перьями, лсавшими пуда и сюда по дуновенію вѣтра, но кирасы и шлемы не обагрля еще кровь, какъ будто бы одни перья шлемовъ должны были сокрушиться въ сей величественной битвѣ. Но по мѣрѣ того, какъ сраженіе спановилось пламеннѣе и звучные тоны рожковъ одушевлялись болѣе и болѣе, подобно пронзительнымъ пѣснямъ жаворонка, сливающего въ препетной сѣни лѣса голосъ свой съ ропотомъ Апрельскихъ вѣшеровъ.

XXIV.

И скоро турниръ дѣлается наспоющимъ сраженіемъ: опъ ударовъ копейныхъ льется кровь; мечи сыплють искры; рыцари и кони вращаются въ пыли и — не восстаютъ болѣе. Блестящее убранство исчезаетъ: щиты сокрушены, шлемы погнушы, кольчуги разрублены, а прапоры обагрены кровію. Убийство разрушило порядокъ, столько пріятный взору; сила и опчаяніе опверзаютъ пухъ къ себѣ чрезъ смертельныя раны. Ударовъ уже не соразмѣряютъ, и рога издаютъ звуки, подобные печальнымъ крикамъ морской пшицы, которая, за бездною моря, поетъ смертный гимнъ кораблекрушенія!

XXV.

Всякой сказалъ бы, что въ сей злополучный день рокъ хотѣлъ предупредить разрушеніе Гамлана и сохранить злодѣяніе мрачнаго Мордреда. Уже двадцать избранныхъ рыцарей Круглаго Спола, лежали простерты на песокъ.

Горестный Аршуръ ревешъ бѣлую свою бороду и волосы. Сама горделивая Гинеша чувствуетъ невольный ужасъ и пренецешъ отъ страха и состраданія; но ей мечпалось, что тѣнь матери ея Гвендолены плавала надъ мѣстомъ смятенія, запрещала ей прекратить убійство и упрекала Гинешу за слезы ея, голшова пролишься.

Въ сіе время погибли Брюноръ, Танлашь, Мадоръ, Геліась ле-Бланкъ, Ліонель и многіе другіе рапники. Багемоншъ, Динадамъ и Феррандъ Чернаго лѣса, издыхая лежали на прахѣ. Преслѣдуемый ужаснымъ Моральшомъ до рѣшекъ амфитеатра, юный Ванокъ, котораго бороду едва покрывалъ еще легкой пухъ, Ванокъ, сынъ Мерлина и любимецъ славы, падаетъ почти у ногъ Гинешы. Сандалии красавицы обагрились его кровію. Но — вопшь внезапно помрачается небо, несомая на крылахъ вѣтра буря ревешъ; земля пренецешъ, опшверзается, и — изъ

нѣдръ ея выходитъ спрашкый волшебникъ Мерлинь.

XXVI.

Съ ужасомъ бросилъ взоръ свой очаровашель на мѣсто карусели, окровавленное убійствомъ и, поднявъ руки, воскликнулъ съ грознымъ видомъ:

Безумцы! прекратите битву! А ты, красота, причина всѣхъ сихъ несчастій! внемли приговору судьбы: „Сонъ на долго закроешь глаза твои, немочавшіеся слезами состраданія; глубокое забытіе опягощетъ на сердце, которое не хотѣло быть пронуто. Но сіе неопытное сердце обольстили наставленія матери; но ты производишь опъ Артура, и — судьба соединяетъ милость съ наказаніемъ. Ты подвергнешся приговору сему въ долинь Святаго Іоанна, тамъ будешь ты спать до того времени, пока возбудитъ тебя рыцарь, котораго подвиги сравнятся съ подвигами рыцарей Круглаго Стола. Изъ продолжающагося сна твоего узнаешь вселенная о всѣхъ бѣдствіяхъ, которыя

причинила гордость Гинепсы, о томъ днѣ, когда погибли соратники Артура.

XXVII.

Пока говорилъ Мерлинъ, сонъ начиналъ уже опягощать глаза Гинепсы: движенія ужаса и гнѣва не могли поддержать ясности, ихъ оживляющей. Два раза съ трудомъ могла она поднять руку и коснуться чела; два раза покушалась напрасно вспасть съ роковаго стула, на коемъ сидѣла. Мерлинъ произнесъ уже магической приговоръ свой; смерть Ванокка должна быть опмщена! Длинные рѣсницы Гинепсы медленно опустились на лазоревыя очи красавицы: такъ въ лѣпнѣй вечеръ закрывается благоухающій цвѣпокъ фіялки. Тяжелый скипшръ преклонилъ ея руку; голова склонилась къ плечамъ, и сквозь шелковыя, золошныя и жемчужныя сѣпочки, окружающія волосы Гинепсы, упали на бѣлоснѣжныя руки и грудь локоны черные, какъ дерево рая.

Неподвижно склоненная на стуль сло-
новой кости, Гинеша была столь пре-
лестна, что раздраженный отецъ началъ
умолять строгаго Мерлина смягчить
приговоръ, а рыцари хотѣли возобновить
битву за нее. Но скоро, въ очарованномъ
облакѣ, исчезла изъ глазъ ихъ красавица.

XXVIII.

Приговоръ исполнился надъ Гинешою
въ долину Св. Іоанна. Иногда въ мечта-
ніяхъ сна представляется образъ ея взо-
рамъ рыцаря, чтобъ повѣдать ему судьбу
свою, чтобъ молишь его о помощи: о сокру-
шеніи очарованія, пягопѣющаго надъ нею.
Въ первые годы, послѣ сего чудеснаго
приключенія, многіе воины приходили для
избавленія Гинешы отъ Сѣвера, отъ
Востока, отъ Запада и Полудня, изъ
Лиффії, съ береговъ Темзы и изъ Форша.
Многіе щещно искали въ долину замка
и башни. И дѣйствительно не всегда мож-
но ихъ видѣть: надобно многія ночи по-
спитъ и бодрствовать, чтобъ волшеб-
ныя пвердыни замка сдѣлались видны.

Изъ малаго числа тѣхъ , которые упорствовали въ своемъ предпріятіи , нѣкоторые возвратились , прочитавъ угрожающую надпись , изображенную на воротахъ; другіе, переступя за нихъ , никогда уже не возвращались. И нынѣ , почти забывъ Гинема можетъ проспавъ сномъ глубокимъ , подобнымъ сну гроба , до того дня, въ который труба Архангела возбудишь насъ всѣхъ.

Такъ кончилъ величественный Ліулфъ чудную повѣсть о спящей красавицѣ долины Св. Іоанна. Вѣрный пажъ оставляетъ берега Ульфскаго озера и спѣшитъ возвратиться въ Трирменскій замокъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

I.

О, ты, которую любилъ я столь долго, и которая еще недавно вознаградила постоянство мое, о, сладкая надежда моей жизни и нынѣ супруга Артурова! скажи, не напоминаетъ ли тебѣ дикая Альпийская долина любимыхъ прогулокъ нашихъ? здѣсь есть сходство чудесное, хотя не столько сладостное и милое. Такъ на свирѣпомъ лицѣ воина видимы прелестныя черты сестры его.

Горный хозяинъ нашъ сказалъ уже, что мы должны пѣшкомъ проходить дикое ущелье горъ, а упомянутыя лошади между тѣмъ медленно попянутъ поршшезъ округъ огромной подошвы Бен-Круаха.

Сей древній, загорѣлый опъ солнца жительство горъ, съ гордостью Шопландца, хвалилъ намъ свою долину и свои безплодныя горы. Глазъ его, кажется, сопоренъ для того, чтобъ удивляться природѣ и, думаю также, прелестямъ кра-

сопы плѣнительной. И среди ихъ состоянія можно видѣть наблюдаемый духъ проникающаго Шотландца. На лицѣ спарика не было замѣтно удивленіе, обыкновенное простолюдинамъ, при видѣ кареты нашей и слугъ. Но когда Алланъ началъ изъяснять Целпическое значеніе Беаль-Напейса (1), то почтительное привѣтствіе его моей невѣстѣ, довольно показывало, что онъ для нее рассказывалъ свое преданіе. И Люція моя краснѣла отъ его учтиваго, скромнаго, но и коварнаго взгляда.

II.

Но довольно говорить о немъ. Прежде, нежели углубимся мы въ долину, и виды, представляющіеся намъ исчезнутъ, о, другъ мой, обрати еще разъ взоры свои на сіе голубоватое озеро, котораго берега, кажется, бѣгутъ отъ насъ. Тѣни, лежающія по гладкой его

(1) Долина обрученныхъ.

поверхности, подобны видѣніямъ, которыя являюща въ снѣ упреннемъ: мы чувствуемъ, что спимъ и что только призракъ насъ обольщаетъ. Посмотри на шихомъ нѣдрѣ озера отраженные виды горъ лѣсисныхъ, которыхъ скалы опливаются отъ лазури небесной: можно счестъ всѣ облака, носящія въ воздухѣ. Но удивляясь сей каршинѣ очаровательной, мы знаемъ, что ее рисуютъ обманчивыя тѣни. Таковы же были и прелестныя мечты Артура, когда Люція впервые предстала его взорамъ и когда вздыхалъ онъ горестно, не надѣясь, что бы мечты сіи исполнились.

III.

Разсмотри теперь, о Люція, прекрасную долину, по которой идемъ; прелестной путь нашъ опшѣняется только опливами нѣжнѣйшей зелени. Онъ вьется по пурпуровому папоротнику между тысячи цвѣтовъ разноцвѣтныхъ. Смори, какъ тонкая нить волнъ серебристыхъ скачетъ внизъ и сливается

шумъ свой съ жалобнымъ рономомъ источника.

Это, мнился, спонъ пустынный Наяды горной, увѣнчанной волшебной гирляндюю изъ лисневъ березы, бузины и можжевельника.

Но для насъ это не мечта уже: сіи цвѣты, сей источникъ сменящій, сіи прекрасныя лѣсныя сѣни—наши! О, моя Люція! съ того дня, въ который Аршуръ назвалъ тебя своей супругою, грядущіе дни жизни нашей представляются мнѣ спезею, подобною сей пріятной тропинкѣ, віющей среди ручьевъ мелодическихъ и холмовъ живописныхъ. Правда, смертные не могутъ сказать, что ждетъ ихъ въ долинѣ жизни, гдѣ идутъ они шагами невѣрными; но что бы не было — счастье или несчастье, по крайней мѣрѣ мы перейдемъ пушь свой рука съ рукою.

IV.

Хочешь ли знашь наконецъ, Люція, для чего я два раза опказывался продолжашъ тебѣ преданіе о храбромъ рыцарѣ Трир-

меня? Нѣсколько оскорбленная ты дала себѣ клятву не претовашь опъ меня продолженія повѣспи до тѣхъ поръ, пока вдохновеніе поэзіи опять посѣпитъ меня; пока я самъ пожелаю, чпобъ ты меня слушала. Но, милый другъ мой, въ первый разъ, какъ ты просила меня продолжать сію романическую повѣсть, былъ потъ день счастливый, въ которъй ты дала мнѣ свою руку. Ослѣпленный блаженствомъ моимъ, могъ ли я вспоминать, видѣть, слышать, въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ что либо другое, кромѣ Люціи? Воспоргъ былъ для меня волшебнымъ напитокомъ любви.

V.

Въ другой разъ я опказалъ тебѣ въ прекрасной Кидской столицѣ. Арфа моя, или, говоря прежнимъ классическимъ языкомъ, моя муза (слово арфа употребляютъ нынѣшніе просвѣщенные Барды), муза моя возбуждается только близъ озеръ молчаливыхъ, или въ проспранной тѣни лѣсовъ. Она дикая и

сельская Нимфа, которой обнаженная нога любитъ поппать мохъ, шиміанъ и мураву цвѣпущую. Боясь, чпобъ проспой вѣнокъ лилій, осѣняющій чело ея, не увялъ, она всегда скрывается въ зеленой сѣни лѣсовъ и шамъ поетъ свои пѣсни.

VI.

И вопъ любимый шумъ пустынаго ручья поразилъ ея слухъ, сквозь рѣдкія деревья взоры ея обольстились лучами свѣша; она хочетъ слышь свои пѣсни съ роппомъ источника, капающаго съ горы снѣжными брызгами; хочетъ усладить дорогу Люціи; повѣряя эхамъ Бен-Круаха окончаніе сказки, которую милая моя слушала прежде съ удовольспвіемъ, вдохновеніе осѣнило ее! Слушай же, Люція, какъ Роландъ прибылъ въ долину Святаго Іоанна.

НЕВѢСТА ТРИРМЕНА

ИЛИ

ДОЛИНА СВЯТАГО ІОАННА.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

I.

Да охраняешъ Бевкаспль замокъ свой; пусть кони Спер-Адама спояшъ въ своихъ спойлахъ и смѣлые стрѣльцы Гарп-лей-Бурна довольствуются тѣмъ, что могутъ мешать стрѣлы съ высотъ своихъ укрѣпленій. Воины Лиддесдаля могутъ вооружать ноги свои шпорами; воины Тевіота опоясывашься мечемъ, а Таррасъ и Евесъ могутъ дѣлать ночные свои набѣги; Ексдаль можетъ опустошать Кумберландъ. Подверженные грабежамъ обитатели границъ опмщать уже не могутъ: имъ не достаешъ меча храбраго де Во, имъ нѣшъ помощи отъ Трирмена. Сей господинъ, ища гибель-

наго приключенія, уѣхалъ одинъ и бдитъ и день и ночь въ долину Святаго Іоанна.

II.

Когда началъ онъ свое первое бдѣніе, луна освѣщала уже двенадцать лѣпныхъ ночей. Она въ полномъ свѣтѣ блиспала на лазури неба и разливала блѣдное сіяніе на испочники, горы и долины. Распростертый на верескѣ, копорымъ порасли скапы холма, Сиръ-Роландъ разсматривалъ долину и особенно цѣпь утесовъ, на вершинѣ коихъ, какъ повѣсповалъ древній Ліулфъ, было жилище оспавленной красавицы.

Лучи ночныхъ звѣздъ умирали на его блистающемъ вооруженіи. Трелешный отблескъ ихъ игралъ на округленной спали щипа, лежащаго подлѣ рыцаря, какъ на кристаллѣ водъ спокойныхъ.

III.

Онъ продолжалъ свое бдѣніе, и часто, когда луна озаряла очарованную высоту, мнилось ему, будто бы видъ ея внезапно измѣняется, утесы дѣлаются спѣнами и

кругомъ ихъ поднимающія сѣроватыя башни. Но едва сердце рыцаря начинало шептаться отъ надежды, какъ исчезалъ ложный призракъ, сотворенный воображеніемъ его, беспокойнымъ и спремящимся къ обольщенію. Что думалъ онъ видѣть, то было—обманчивый призракъ. Такъ въ пустынномъ замкѣ обманывающъ глаза, почти погасшіе угли въ очагѣ. Смотри на нихъ задумавшись, мы видимъ колокольни, башни и зубцы ихъ обвитыми красноватымъ пламенемъ.

При лунномъ свѣтѣ и при свѣтѣ солнца, при первомъ мерцаніи зари утренней и при сіяніи звѣзды вечерней, во всякое время, въ каждый часъ, при сумракахъ шумана, при сіяніи солнечномъ и въ бурю утесы — не измѣнялись!

IV.

Часто де Во пробѣгалъ очарованную высоту, достигалъ вершины ея или обходилъ ее во кругъ; но онъ открылъ только то, что цѣпь сихъ безобразныхъ массъ, издали походила на крѣпость

Между тѣмъ рыцарь спалъ рѣдко, вкушалъ пищу умеренную и пилъ только воду источника. Каждый вечеръ прохаживался онъ по холму, и когда вечерній вѣтерокъ охлаждалъ воздухъ, онъ искалъ убѣжища въ пещерѣ, измещренной раковинами; подобно бѣдному затворнику, перебирая четки, читалъ онъ тамъ молитвы и умолялъ всѣхъ святыхъ, сокрушить очарованіе, сопротивляющееся опажнымъ его предпріятіямъ.

У.

Но щитъ луны скрылся и превратился въ серебристую нить, мрачно плавающую среди небесъ, и облака ночи, гонимыя бурнымъ вѣтромъ, быстро пробѣгали по блѣднымъ ея рогамъ. Ручей гремитъ и дѣлается стремительнѣе, ибо дождь умножалъ горные источники, извергающіе опустошительные потоки; громъ шумитъ вдали и частая молнія освѣщаетъ долину голубоватыми огнями. Де Во удалился въ пещеру (никакой смертный не смѣлъ бы противостоять такой бурѣ). Душа

его предавалась печальнымъ размышленіямъ до пѣхъ поръ, пока усыпляемый глухимъ ронопомъ попока и меланхолическимъ свиспомъ вѣпра, онъ преславъ мечпашъ, заснулъ безпокойнымъ, прерывающимся сномъ.

VI.

Тогда-то услышалъ рыцарь печальный звукъ (далекій и ужасающій шумъ по среди пущыни, копорой единспвенные обитапели были лани и глухіе пеше-рева).

Роландъ пробуждается, трепещеть и снова слышитъ сей торжественный и мѣрный звукъ, одиннадцать разъ повторенный и подобный звону колокола горделиваго собора, или городскому набату.

И какое было первое впечатлѣніе, которое звукъ сей произвелъ надъ Роландомъ въ уединеніи? Меня огорчаетъ то, что долженъ худо сказать о рыцарѣ; но я долженъ бытъ вѣренъ вольности Мене-спрея: первая мысль его — былъ страхъ.

VII.

Скоро однако благороднѣйшія чувства замѣнили сей скоропреходящій шепетъ ужаса. Роландъ почувствовалъ себя одушевленнымъ живымъ желаніемъ любви, пламенною надеждою, благороднымъ мужествомъ и симъ горделивымъ энтузіазмомъ рыцарства, которое пламенѣетъ лепѣтъ на встрѣчу опасностямъ.

Рыцарь вышелъ изъ пещеры за долго еще до того, когда умолкли опголоски эха, повпорявшаго чудный звонъ, имъ слышанный. Сей звонъ пролеталъ вдаль, съ стремнины на стремнину, отъ Гларамара и вершины Гриздала, до высотъ Легберта и въ долины Дервенша.

VIII.

Оглушенный, пораженный удивленіемъ, рыцарь до тѣхъ поръ смотрѣлъ въ непроницаемую мрачность ночи, пока воцарившееся молчаніе возмущали только однозвучный ропотъ попока и шумъ вѣтерка.

Но вопль внезапно на Сѣверномъ небѣ заблิสпалъ свѣпъ, какъ спрѣла огненная, и медленно, и какъ бы волшебспвомъ движимый, капился въ видѣ огненнаго круга на высоту Легберта. Казалось это было приближеніе свирѣпаго демона, копорый на огненной колесницѣ лепѣлъ исполнить какое нибудь роковое порученіе. Гробовой блескъ разлился на долину, на кущи деревъ, на гору, пошокъ, на висящіе опломки скаль и шумяцій водопадъ. Перспектива карпины была величеспвенна, но ужасна: черный ушесъ, сребристая вода ручья и прелестная зелень лѣсочка, казались опѣненными однимъ кровавымъ цвѣпомъ.

IX.

На канунѣ де Во видѣлъ, какъ послѣдніе лучи попухающаго солнца умирали на верьху очарованной высоты. Онъ тогда видѣлъ одни огромные ушесы, коихъ угрожающія массы висѣли надъ волнами ревущими. Но что же увидѣлъ при блѣдномъ сіяніи метеора? Замокъ,

увѣнчанный знаменами, донжонъ, высокую башню, своды и зубчатые стѣны, отражающія свѣтъ свою на быспрыхъ водахъ.

Это не призракъ. Когда метеоръ на минушу остановился надъ зданіемъ, де Во усматриваетъ Бойницы и Парапеты; но когда явленіе продолжало торжественный путь свой, по по мѣрѣ удаленія его, мрачныя укрѣпленія мало по малу исчезали.

Х.

Роландъ лепитъ изъ пещеры чрезъ утесы и пошокъ, сквозь кустарникъ и тернъ; но едва пробѣжалъ онъ половину пути, какъ свѣтъ чудесной пошухнулъ за горами и мракъ глубокой ночи воцарился въ долину. Принужденный остановиться, онъ запробилъ въ рогъ. Звуки военныхъ трубъ отвѣчали ему съ горы; звуки, подобные тѣмъ, которые производитъ ночной дозоръ крѣпостной стражи. Храбрый рыцарь Трирменъ повторилъ свой вызовъ; но отвѣта болѣе

не было. Блуждая среди дождя и вътра напрасно до самаго восхода утренней зари, искалъ рыцарь во мракъ пропинки, ведущей въ долину. Тогда ясно имъ видѣнный, при блескѣ метеора, чудесный замокъ исчезъ; очарованная высота была, какъ и наканунѣ, громадою утесовъ.

XI.

Роландъ мужественно, твердо рѣшился совершить подвигъ свой: снова пробѣгаетъ онъ долину и видитъ одни утесы и слышитъ только шумъ попока. Но когда возрожденный сребриспый рогъ луны, блуждающій по лазури небесной, блѣднѣлъ предъ свѣтомъ утренней зари, внезапно поднялся легкій шуманъ. — Пары волновались по долинѣ и, какъ воздушныя воды, окружая подошву горы, мало по малу совершенно закрыли уединенную громаду. Казалось, шуманъ сей былъ флеровый завѣсъ, подъ копорымъ своенравная волшебница скрыла очаровашельные чертоги свои.

XII.

Вѣшперокъ шихо скользя по водамъ ручейка, и дыханіе его, волнуя сію завѣсу сребристыхъ паровъ, представило рыцарю зрѣлище впервые поразившее неперпѣливые его взоры. Хотя волнующійся туманъ сопрошивлялся сперва дыханію вѣшперка, но вѣшперокъ колебалъ влажную его шкань, и сквозь полуразкрышыя ея складки виднѣлись во мракѣ башни, бастіоны и готическіе зубцы.

Спѣши, спѣши рыцарь, пока скоропременно видѣніе не исчезнетъ, какъ прежде!

Роландъ скоръ, какъ конь, услышавшій звукъ рога, и предъ коимъ бѣжишь гончая собака звѣроловца.

Быспрый, какъ спрѣла, онъ летишь въ долину; но не достигъ еще горы, а утесы приняли уже свой прежній видъ, и духи, обипающіе въ нихъ, смѣялись надъ тщетными трудами рыцаря. Эхо окрестностей доносило до слуха Роланда дикій хохотъ невидимыхъ.

XIII.

Гнѣвъ закипѣлъ въ сердцѣ рыцаря: „Мной ли играюшъ враги челоѣковъ; какъ забавляется волшебница надъ бѣднымъ поселяниномъ, удаляя его опъ жижины? Трирмень ли будетъ предметомъ вашего обиднаго презрѣнiя? Демоны злобные! я вызываю васъ! Де Во носилъ бердышь, котораго четверостороннiй клинокъ и рукояшь чернаго дерева, часто обагрялись Шопландскою кровью. Онъ опспунаешъ нѣсколькo шаговъ и бросаешъ бердышь въ выдавшуюся высоту каменной скалы. Уступая жестокому удару разрушившему, можетъ быть, какое нибудь очарованiе, огромный опломокъ скалы опрывается и кашится среди облака пыли и пламеннаго вихря. Пустыня имъ подавлена, земля взрыпа и спремительныя волны, опстановленныя огромностию его, покашились пропивъ своего печенiя.“

XIV.

Когда шумъ умолкъ, Трирмень снова

взглянулъ на высоту скалъ и увидѣлъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ оппала часть утеса, круглую, изсѣченную въ гранитѣ лѣстницу. По изпещреннымъ мхомъ спупенямъ, ему легко было достигнуть вершины. Онъ входилъ, и — наконецъ видѣлъ очарованный замокъ Св. Іоанна. Чудесное воздушное явленіе и волшебный шуманъ исчезли. Лучи восходящаго солнца освѣщали замокъ.

XV.

По сторонамъ мрачнаго входа возвышались зубчатые башни. Шестъ вѣковъ пвердины сіи прошивустояли ярости бурь; но гербы на щитахъ сохранились совершенно. Только на Воспочной споронѣ одна небольшая башня разрушилась, и не давно упавшіе обломки виднѣлись еще въ попокѣ. Но мимо другихъ зданій замка вѣка пролетѣли, не повредя ихъ. На фронпонѣ воропъ была слѣдующая надпись, начерпанная гопическими буквами :

XVI.

„Терпѣніе ждетъ дня, назначен-
 „наго судьбою. Силою можно побѣдишь
 „преляпспвія. — Воинъ, послѣ дол-
 „гаго ожиданія, благодаря своему по-
 „споянспву и силѣ, ты видишь нако-
 „нецъ сей замокъ древнихъ лѣпъ. —
 „Не рука смертнаго воздвигла сіи
 „спѣны, но многія волшебныя слова
 „и всемогущее очарованіе. Разсмотри
 „видъ зданія, обойди кругомъ укрѣ-
 „пленія; но не осмѣливайся ни на
 „что болѣе. Перейши за вороша, зна-
 „чило бы испытывать судьбу. Ты
 „напрасно соединишь здѣсь мужеспво
 „съ силою. Смотри и — иди обра-
 „пно!“

XVII.

Я сдѣлалъ бы это, воскликнулъ ры-
 царь, если бы спарость сокрушила тѣло
 мое, еслибъ оскудѣвшая кровь медленно
 текла въ моихъ жилахъ, какъ льдины
 ручья, опшпелью опорванныя; но до-
 колѣ кипишь она въ сердце моемъ, какъ

искромешное вино Франціи, доколѣ сильныя руки сіи держашъ копье и мечъ, я буду смѣяться надъ грозною надписью.

Сказалъ и — калипка въ воропахъ уступаетъ усиліямъ мощной его руки, и заржавленные запоры съ произительнымъ визгомъ разпадаются. Но едва переспустилъ онъ за порогъ, входя подъ своды, какъ невидимая рука зашворяетъ тяжелые шворы воротъ; желѣзные запоры и задвижки, сами собою входящъ въ фальцы свои и кольца съ дикимъ шумомъ, копорый впорился эхомъ сводовъ.

„Теперь западня зашворилась и — добыча поймана; но клянусь крестомъ Ланеркоспа, что тотъ, кто бы желалъ носить въ поржествѣ развѣвающую на мнѣ кожу волка, долженъ разкаяться въ своей смѣлости.“

Такъ говорилъ рыцарь, сходя по лестницѣ, освѣщенной мерцающимъ свѣтомъ.

XVIII.

Отворенная, не охраняемая спражею дверь, вела на передній дворъ, среди

когого возвышались донжонъ замка и башни всѣхъ мѣръ, изпещренныя всякими готическими украшеніями, какія только можешъ изобрѣсти воображеніе самое странное. Но между рыцаря и главнаго входа чернелся глубокой ровъ, а не было ни моста, ни челнока, чшобъ достигнуть другаго берега. Поспѣшно Роландъ сбрасываешъ съ себя вооруженія: гремяшъ его кираса, панцырь, шлемъ и щипъ, на коемъ видны были слѣды многихъ битвъ. Ни одно изъ вооруженій не скрывало прекрасныхъ формъ его тѣла, черныхъ, живыхъ глазъ и локоновъ волосъ. Рыцарь оставляешъ при себѣ одинъ испыпанный мечъ свой; единственнаа одежда, покрывающаа недоступное спраху его сердце, ешъ узкая фуфайка изъ кожи вола, почернѣвшаа оцъ перевязи и кольчуги. Вопшъ Роландъ де Во на берегу рва и — вопшъ осмѣливаетса плышъ чрезъ воды его.

XIX.

Мощноо рукоо разсѣкаешъ онъ воды, достигаешъ пропивноаго берега, прони-

каешъ въ замокъ и входишь въ залу, которой обширныя стѣны украшены картинами, представляющими богатырскіе подвиги древнихъ рыцарей: здѣсь полною спекаются они по звуку трубному; шамъ въ пещерѣ или пустынѣ низлагають великана, борюся съ разлюбленнымъ грифономъ, или съ дракономъ, дышущимъ пламенемъ. Чудны ихъ оружія, лица чудны не меньше. Они казались героями древнихъ поколѣній, которыхъ подвиги, рожденіе и имя, съ давнихъ временъ при новѣйшихъ рапникахъ забытые, сохранились здѣсь для усрашенія сыновъ вѣка уничиженнаго, въ сердцахъ коихъ должно бы пламенѣть мужество, ихъ нѣкогда одушевлявшее. Нѣсколько минушь удивлялся рыцарь симъ чудесамъ и перешелъ пошомъ на другой конецъ залы, откуда при гошическіе входа вели въ портикъ, сводомъ сдѣланный. Подъ обширною его аркадою была дверь съ рѣшетчатымъ отверстіемъ. Прежде нежели отважился иди

далѣе, Роландъ взглянулъ въ сіе опвер-
спіе.

XX.

Ахъ! для чего не взялъ онъ своихъ ору-
жій! Никогда рыцарь не имѣлъ въ нихъ
большой нужды! Онъ видипъ длин-
ную галерею изъ бѣлаго мрамора; у-
спѣнъ ея (чудная прошивуположность)
спояли чешыре Африканскія дѣвушки, и
каждая вела Ливійскаго шигра на нипи
столько же тонкой и блестящей, какъ
золотистые волосы твои, Люція. Афри-
канская одежда черныхъ дѣвушекъ оспа-
вляла не покрышыми ихъ колѣна, шею
и полныя руки. Бѣлая чалма осѣняла
чело ихъ; на рукахъ и ногахъ блиспали
золотые браслеты; за плечами висѣлъ
колчанъ, а рука вооружена была Маври-
танскимъ копьемъ.

Дѣвушки стояли неподвижно, хранили
споль глубокое молчаніе, что Роландъ
сперва почелъ ихъ спашуями, спспа-
вленными шупъ для устращенія; но
шолько что попробовалъ онъ опшо-

ришь дверь въ поршикъ, какъ шигры начали обращать кругомъ свирѣлые глаза, пропягивать лапы, обнюхивать во кругъ себя и облизывать пасть, а Африканки на языкѣ Мавришанскомъ пѣли, угрожая рыцарю :

XXI.

„Возвратись обратно, дерзкій и-
 „кашель приключеній; спрашисъ оча-
 „рованія Дагомея, племени Загарака,
 „дѣвъ климаша пожигающаго !

„Когда вѣтеръ бури вращается въ
 „вихряхъ, начинаемъ мы пляски наши;
 „пески Сары воздымаются движущи-
 „мися сполпами и идутъ по спо-
 „памъ нашимъ ; по нашему велѣнiю
 „луна разоблачается, звѣзды горятъ
 „цвѣтомъ крови и Сирокко свищеть,
 „— наша музыка любимая.“

„Тамъ , гдѣ разбросанныя колонны
 „лежатъ на прахѣ древняго Карфа-

„гена — тамъ , когда спранствующій
 „Саншонъ (*) видишь наши порже-
 „спва таинспвенные, то поеть онъ
 „молишву смерти , предвѣщаеть па-
 „деніе народовъ , возвѣщаеть , что
 „Азраель обнажилъ мечъ свой и вос-
 „клицаеть : Музульмане, подумайше
 „о гробѣ!“

„Въ нашей власти скорпіонъ, змѣя,
 „гибра болошная, шигръ пустынный
 „и всѣ бичи, поражающіе сыновъ че-
 „ловѣческихъ ; мы направляемъ дыха-
 „ніе разрушительное ночной бури и
 „язву, разливающую ярость свою при
 „сіяніи дня. Спрашисъ племени За-
 „гаракова, спрашисъ Дагомеева оча-
 „рованія!“

XXII.

Сіи пронзительные звуки дико гремѣли

(*) Монархъ Турецкій.

подъ сводами , конхъ эхо разносило ихъ вдаль. Рыцарь сказалъ самъ себѣ:

— Когда я предпринималъ подвигъ мой, я клялся крестомъ, что не буду останавливаться, какой бы успѣхъ не былъ. Вижу, что спую между двухъ бѣдственныхыхъ крайностей : какая надежда съ однимъ мечемъ бороться съ тиграми и духами ; но если опступлю , меня ждушъ голодъ и ужасное опчаяніе. И такъ , если вездѣ ждешъ меня смерть , не должно колебаться въ выборѣ того , что дѣлать. Предо мною честь и слава, за мною нарушеніе кляшвы и спыдъ ! Буду же вѣренъ моей кляшвѣ !

Сказалъ и — обнажаетъ вѣрный мечъ свой , отрываетъ знамя со стѣны сво-
довъ и входитъ въ спрашную галерею.

XXIII.

Африканки движущъ руками, выпускающъ дикіе крики и — два шигра бросающся. Роландъ кидаетъ одному знамя , чтобъ живошное на немъ испощило яростныя свои усилія и поражаетъ дру-

гато такъ счастливо , что мечъ разсѣ-
каешъ горло шигра и кости шеи.

Другіе , рыкая , угрожаютъ рыцарю
кохшями ; но для Африканокъ , чшобъ
удержашъ ихъ , довольно ниши , на копо-
рой они привязаны. Роландъ идетъ среди
ихъ съ увѣришельностію , но поспѣшно.
Онъ доспигаетъ конца галлерей , опво-
ряешъ другую дверь и когда зашворилъ
за собою створы , оставляю вообразилъ
всякому какъ загремѣло подъ сводами.
Съ шумомъ симъ сливались рыканія ши-
гровъ и клики Африканокъ , пѣвшихъ
сію прощальную , торжественную пѣснь:

XXIV.

„Ура ! ура ! бдѣніе наше кончено ;
„оняшъ будемъ привѣпспивовашъ солн-
„це у пропиковъ ; просшите , про-
„стите блѣдные лучи дней Сѣверныхъ !
„Ура ! ура !

„Пять вѣковъ блѣдное ваше солн-
„це пропекало въ небесахъ надъ хлад-

„ною долиной ; никогда нога смерт-
 „наго не дерзала перейти залу ужаса.

„Воинъ , котораго нешрепетное
 „сердце избавляешъ насъ опъ нашего
 „уничженія ! будь счэспливъ шакже
 „и въ другихъ испыпаніяхъ , или щце-
 „шно будешъ упорство швое.

„Полешимъ снова видѣшь пламен-
 „ное небо Африки, обширную Звенгу,
 „Ашмась возвышенный , Зогорака и
 „Дагомея ! Полешимъ на крылахъ въ-
 „пра. Ура ! ура !“

XXV.

Магическая пѣснь исчезала въ опда-
 ленности, какъ бы теряясь въ про-
 странствѣ воздушномъ. Между шѣмъ
 рыцарь смѣло шелъ до великолѣпной
 залы , которая сіяла шакимъ блескомъ,
 что, казалось, сокровища всего міра
 смѣшивались и находились въ ней: золо-
 то , на землѣ нашей , смѣшанное съ пе-

скомъ или грубою глиною, было тамъ въ слипкахъ или сіяло въ царскихъ ушваряхъ; огромныя серебряныя изваянія перяли блескъ свой подлѣ алмазовъ, какъ луна блѣднѣетъ при восходѣ зари. Среди сихъ богатствъ Роландъ увидѣлъ чепырехъ юныхъ дѣвушекъ, рожденныхъ подъ далекимъ небомъ; цвѣтъ шѣла ихъ походилъ на мѣдяный цвѣтъ, который красишь иногда бурное небо; въ рукахъ держали онѣ корзины съ пальмовыми вѣтвями и шкани изъ хлопчатой бумаги обвивали ихъ волосы; станъ дѣвушекъ былъ легокъ, видъ робкій, взоръ скромно-пошупленный, руки сложены крестомъ, а колѣна преклонены. Въ семь положеніи предлагали дѣвушки Роланду обладаніе всѣмъ, что поражало его взоры.

XXVI.

Дѣвушки влѣстѣ.

„Взгляни на сокровища, собранныя
 „Мерлиномъ, доспойныя бытъ прида-
 „нымъ дочери Аршуровой; погрузись

„въ сіи волны богатствъ , съ коими
 „самыя мечпы корыстлюбія срав-
 „нишься не могутъ.“

Первая дѣвушка.

„Взгляни на сіи слишки золоша
 „самороднаго , извлеченные изъ нѣдръ
 „рудника искусствомъ волшебнымъ ,
 „которое умѣло опнятъ ихъ у зе-
 „мли ; при блескѣ ихъ приклонялся
 „цари и праведники впадутъ въ пре-
 „грѣшеніе.

Вторая дѣвушка.

„Взгляни на сіи перлы , долго ле-
 „жавшіе на днѣ морей; это слезы На-
 „ядь о смерти Маринеля; Трипоны ,
 „какъ драгоцѣнность , берегли ихъ въ
 „серебряныхъ раковинахъ до того
 „времени , какъ они сдѣлались твер-
 „ды и бѣлы, какъ зубы Амфиприды.

Третья дѣвушка.

„Пріятнѣе ли тебѣ цвѣпъ живѣй-
 „шій? Вотъ пурпуръ рубина , вол-
 „шебная зелень изумруда и поцазъ

„блестящій ; вопшь всѣ сіи цвѣшны,
„сліянные въ кризолипшѣ.

Четвертая дѣвушка.

„Оспавь сіи камни безцвѣшные,
„ославь и посмотри мои! Но закрой
„глаза рукою : алмазь , какъ солнце ,
„лишаетъ зрѣнія дерзкаго , который
„осмѣливается разсмашривать его
„вблизи.

Влѣстѣ.

„Воинъ ! укрась себя всѣми сими
„сокровищами. Благодареніе богамъ :
„что горы наши не раждаюпшъ дру-
„гихъ ! Мы не спенали бы нѣкогда о
„бѣдспвіяхъ Перу!“

XXVII.

Но рыцарь не прельстился ; зна-
ками опказался опть сокровищъ ему
предлагаемыхъ и сказалъ : Встаньте ,
прошу васъ , любезныя чужестранки, не
оспанавливайше меня : пусть сіи блестя-
щія игрушки украшаюпшъ волосы юныхъ
дѣвушекъ и дѣшей ; пусть ваши рѣки зо-
лоша орошаюпшъ жадную землю Лондона!

Де Во имѣеть нужду въ богатствѣ только для того, чшобъ купишь коня или оружіе. Онъ удоспоиваетъ видѣшь золото только на шлемъ и эфесъ меча своего.

Такъ де Во безъ всякаго сердечнаго движенія вышелъ изъ залы богатствъ.

XXVIII.

Солнце совершило половину дневнаго пути своего. Де Во упомился и умираеть опъ жажды; но вдругъ слышился ему пріятный шумъ, и онъ узнаеть, что близко естъ источникъ. Въ самомъ дѣлѣ взшедши на четверугольной дворъ, онъ увидѣлъ посреди его ясный источникъ, низвергающійся блестящимъ водометомъ. На право и на лѣво предшавлялись взорамъ длинныя, вѣшвисшыя алеи; предъ собою увидѣлъ Роландъ низкую дверь, которая вела, кажеться, въ мрачное жилище мершвыхъ, изглажденныхъ изъ памяти людей.

Рыцарь на минушу остановился освѣжишь водою уста и лице, и разсмашриваетъ отблескъ солнца на во-

дахъ, которыя красило оно безчисленными цвѣтами радуги. Взоръ Роланда былъ очарованъ, чувства его обняло сладкое помненіе, подобное тому, въ которое погружается душа послѣ высокихъ размышленій при гармоніи въперка, сливающего вздохи свои съ говоромъ листвьевъ дубравныхъ.

XXIX.

Часто, въ сіи часы мечпаній, глаза наши, въ половину закрытые, могутъ созидашь себѣ чудесныя видѣнія, могутъ предспавляшь себѣ нимфъ лѣсовъ и водъ, толпами лешающихъ предъ нами. Но, не мечпашельныя ли созданія и сіи юныя дѣвушки, которыя въ далекомъ предспавились Роланду? — Нерѣшимельныя и робкія, онѣ сплели руки, какъ сестры. Вопъ подходяшь онѣ къ задумчивому Випязю; вопъ оспанавливающа съ чувствомъ спрахъ и будпо бы не рѣшаясь.— Ахъ, какъ обольспительны эпопъ спрахъ и эпа нерѣшимость! Онѣ говоряшь, кажепся: наше желаніе тебѣ нравипсья;

удостой сказать, какъ намъ исполнить его.

Черты лица дѣвушекъ имѣли топъ цвѣтъ, какой даетъ солнце Кандагара. Оживленные легкою опшѣнью блѣдной розы, легкіе члены тѣла красавицъ были прелестно соразмѣрны. Гирлянды цвѣтовъ благоухали въ черныхъ волосахъ, локонами падающихъ до пояса.

Генна зѣлопила полные пальцы рукъ и Сюмакъ черный придавалъ глазамъ дѣвушекъ живѣйшій и болѣе сладостный блескъ; покрывало изъ бѣлаго флера опшѣняло съ умыленною небрежностію полныя ихъ груди. Скромность сказала бы, что онѣ многое оставили видѣть для обольщенія и привлеченія взоровъ, но онѣ обѣщали еще болѣе, онѣ пѣли:

XXX.

„Остановись на минушу, Випись
 „любезный; опложи многошрудный
 „подвигъ до того времени, пока
 „воздадимъ мы любви должную ей
 „жертву. — Любовью торжествую-

„валъ ты надъ страхомъ и алч-
 „ностью къ золоту : внемли же
 „намъ, Вишязь, мы рабы, любви и
 „друзья твои.

„Нѣтъ у насъ ни сокровищъ, копо-
 „рья бы могли предложить тебѣ съ
 „колѣнопреклоненіемъ; нѣтъ ни муже-
 „ства, ни силы, владѣть копьемъ Мавр-
 „скимъ и дропикомъ ; но любовники
 „говорятъ, что уста наши — рубины,
 „зубы — перлы. Если опасность бо-
 „лѣе прельщаетъ тебя, то льстецы
 „говорятъ, что взоры наши опасны.

„Остановись же, Вишязь милый,
 „помедли до часа, въ который вечеръ
 „похитишь скипетръ солнца; остано-
 „вись, поди подъ свѣтлыя своды лѣ-
 „сточковъ сихъ ; мы увѣнчаемъ волосы
 „твои цвѣтами; мы предложимъ тебѣ
 „пиршество и роскошнѣйшія вина;
 „усладимъ слухъ твой пѣснями боже-
 „ственными ; ты будешь взиращь на

„пляски наши , пока упомненіе смѣ-
 „нишь наслажденія, пока упро заны-
 „лаешъ на Воспокѣ.

„Та , которая понравилса тебѣ
 „болѣе, будетъ пѣшь для тебѣ пѣсни
 „сладоснѣйшія , приготоовитъ ложе
 „изъ мховъ свѣжихъ , будетъ си-
 „дѣшь безъ сна близъ тебѣ и под-
 „держивашъ твою голову, пока упро
 „не разсѣетъ сумраки ночные.... Воинъ
 „милый ! хочешь ли большаго?.... Она
 „будетъ рабою любви и — своею!....“

XXXI.

О, не порицайте слишкомъ строго ге-
 роя моихъ пѣсенъ ! У него не было ни
 сполько времени, ни сполько мужества
 въ сердцѣ, чтобъ принять на себя видъ
 твердый и отказать, не принудя себя.
 Окруженный полною сиренью, онъ поцѣ-
 ловалъ ту, которая улыбалась ему,
 жметъ руку другой, со всѣми говоритъ
 съ крошестію; но — вырывается изъ
 очарующаго ихъ круга.

— Милыя красавицы, сказалъ онъ, простите, простите! Судьба моя и мое счастье зовутъ меня. Сказалъ и — исчезъ изъ взоровъ дѣвушекъ; но удаляясь, онъ слышитъ послѣднiя слова ихъ:

„Прости, цвѣтъ рыцарства! иди туда, гдѣ сердце бьется отъ чистыхъ побужденiй, гдѣ добродѣтель освящаетъ любовь!“

XXXII.

Де Во углублялся подъ своды, по мрачнымъ и извивистымъ дорогамъ, изъ которыхъ не видалъ выхода и которыя становились труднѣе и труднѣе съ каждымъ шагомъ. — Въмѣсто игривыхъ лучей солнца и жизненнаго воздуха, вздымающся черныя пары, освящаемыя смутнымъ и блѣднымъ сiяниемъ подземнаго пламени, какъ бы для того, чтобы опкрыть взорамъ рыцаря глубокiе рвы и пинисную равнину озера. Но сiе мерцанiе не опкрывало ему средствъ избѣгнуть угрожающихъ опасностей. Ахъ, какъ бы хотѣлъ Роландъ лучше сра-

жашься съ шиграми, нежели бытъ среди сихъ мѣстъ ужасныхъ и среди удушающаго облака, зараженнаго испареніями воздуха. Говорятъ даже и говорятъ барды, достойные вѣрятья, будто бы состояніе рыцаря показалось ему слишкомъ опаснымъ, и онъ жалѣлъ, что не остановился въ лѣсочкѣ съ одною изъ снисходительныхъ Азійскихъ дѣвушекъ; что сіе разсканіе мучило его до того времени, пока въ нѣкоторомъ опѣ него разспояніи, раздались веселые звуки звонкой трубы, сопровождаемые сими словами, кажешся для одобренія его произнесенными :

ХХІІІ.

„Сынъ чести, ты, о коемъ возвѣ-
 „спятъ преданія ! помышлай о на-
 „градѣ, тебя ожидающей ; презирай
 „мраки, труды и опасности. Често-
 „любіе повелѣваетъ тебѣ превзойти
 „ихъ.

„Кто хочеть достигнуть на высо-
 „пу горы, долженъ идти по пропикѣ

„многошрудной , долженъ изпоцать
 „всѣ усилія. Такъ восходящъ лю-
 „бимцы честолюбія.

„Иди смѣло , какъ бы ни пружу-
 „дна была твоя дорога ; своенра-
 „віе счастья не терпишь медлен-
 „ности ; бери даръ предлагаемый :
 „власъ Государя и славу побѣди-
 „теля.“

Герой лезишь и — видишь лестницу,
 ведущую въ башню. Едва переступилъ
 онъ нѣсколько ступеней, какъ воздухъ
 сдѣлался свѣжѣе и свѣтъ небесъ пора-
 зилъ его взоры. Наконецъ проникаешь
 онъ въ великолѣпную залу , украшенную
 шифонами ; здѣсь чепыре дѣвушки въ
 пурпуровыхъ шюникахъ , опоясанныя
 золотыми поясами, кажешся, ждали уже
 царственнаго гостя.

XXXIV.

Европа была ихъ опечесствомъ : пер-
 вая была нимфа Галліи, копорой жи-
 вость и веселая улыбка измѣняли при-
 нужденной , заимствованной важности ;

вторая, смиренная, но горделивая, была юная дочь Испаніи, съ очами и локонами, подобными цвѣту райскаго дерева, а лице бѣлоснѣжное и русые золотистые локоны показывали, что тихая подруга Испанки была дочь Германіи. — Въ рукахъ шрехъ дѣвушекъ сіяли: царская порфира, корона, скиптръ и держава, эмблемы могущества. Четвертая въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, опершись на арфу, казалась объятая вдохновеніемъ поэзіи. Древняя Британія была ея опечесство одежда древней Гальской жрицы волновалась на ней; лазурною ленною связаны были заплетенные локоны; въ рукахъ зеленѣлся простой вѣнокъ лавровой.

XXXV.

Три дѣвушки преклонили колѣна предъ рыцаремъ, поднося ему эмблемы власти и могущества надъ пространными обласпями, назначенными, какъ говорили онѣ, наследнику Арпура; но рыцарь отказался отъ всѣхъ почестей. — Де Во, — опвѣчалъ онъ, — лучше

любилъ дѣлать набѣги на границы, облеченный кольчугою, нежели носилъ скиптръ и порфиру царскую. Онъ хочетъ лучше быть свободнымъ рыцаремъ Англїи, нежели вознестись на пронъ.

Сказалъ и удаляется. Четвертая дѣвушка, какъ бы пробуждаясь, ударила по струнамъ арфы; и арфа, покорная сему волшебному прекосновенію, загремѣла звуками небесной гармонїи.

Пѣснь четвертой дѣвушки.

„Попрясайтесь въ основанїяхъ своихъ башни высокія, донжонъ знаменами увѣнчанный! эхо сводовъ вашихъ сменя да впоритъ звуки шаговъ воина.

„Духи покоренные чарамъ Мерлина, слушайте страшные звуки шаговъ сихъ. Развивайте черныя крылья; лепшите, возвратитесь въ обители ваши!

„Онъ, онъ первый изъ смертныхъ
 „осмѣлился проникнуть въ залу ужаса;
 „онъ превозмогъ искушенія наслаж-
 „деній, богатства и гордости.

„Попрясайтесь въ основаніяхъ
 „своихъ баспіонъ огромный, башня
 „возвышенная, донжонъ древній!
 „Пришекъ часъ пробужденія Гинеты!“

XXXVII.

Рыцарь, пока пѣла она, достигъ комна-
 ты, гдѣ нѣжнѣйшій свѣтъ проникалъ
 сквозь пурпуровыя завѣсы. Такова легкая
 тѣнь на холмѣ, когда послѣднее блиста-
 ніе дня золотитъ западную высоту его.
 Комната сія прельщала взоры чудесами,
 ее украшавшими. Искусство волшебное
 собрало въ ней всѣхъ живущихъ тварей
 въ ихъ натуральныхъ видахъ и все ка-
 залось усыплено: заяць въ норѣ своей,
 олень подъ сѣниснымъ сводомъ листовъ,
 орелъ въ пространствѣ воздушномъ

между небесами и землею. Но какая картина могла развлечь взоры Роланда, когда онъ увидѣлъ Аршурову дочь, спящую на роковомъ спулѣ. На лицѣ ея не выражалась уже нерѣшимость, гнѣвъ и ужасъ; она забыла день турнира и улыбалась во снѣ. Очаровашель, казалось, раскаивался въ своемъ приговорѣ и услаждалъ продолжительный сонъ красавицы снами пріятными.

XXXVIII.

Сія красота дѣвственна, соединеніе юности съ младенчествомъ, сей спулѣ изъ слоновой кости, сія одежда звѣроловицы, сіи обнаженныя руки и ноги утверждали истину Ліулфовой повѣсти. На краяхъ одежды Гинешинной еще видна была кровь Ванока и персты красавицы сжимали скинпръ Аршура. Черные, заплешенные волосы падали на грудь бѣлоснѣжную; спящая красавица была столь прелестна, что Роландъ винилъ обманчивый сонъ, показавшій ему только половину прелестей Гинешы. Нѣсколько

времени , сложа крестообразно руки , былъ онъ неподвиженъ , пререпалъ отъ воспорговъ радости и не зналъ , какъ разрушитъ очарованіе , вѣка продолжавшееся . Когдажъ ресницы Гинеты начали медленно открываться , онъ , спрашась , думалъ , что будущъ выражать ему ея взоры .

XXXIX.

Рыцарь преклоняетъ колѣна , беретъ прекрасную руку Гинеты , руку которой прикосновеніе столь сладостно и для его руки и для устъ , цѣлующихъ ее.... Скипетръ падаетъ.... Молнія блеспитъ , громъ гремитъ , башни и донжонъ колеблются , замокъ разрушается , всѣ очарованные своды его исчезаютъ..... Но подъ кровомъ таинственныхъ утесовъ Принцесса безопасна въ объятіяхъ нешрешнаго Роланда . Она освободилась отъ всего вліянія волшебства и алѣетъ , какъ роза , открывающая прелестной цвѣпокъ свой съ восходомъ денницы . Чело рыцаря осѣняетъ вѣнокъ

лавровый, видѣнный имъ въ рукахъ жрицы. Опъ всѣхъ богатствъ чудеснаго замка ему оспалось только — вѣнокъ лавровый и красота юная! Но какой рыцарь пожелаетъ другой награды за свои подвиги, кромѣ любви и славы?

К О Н Е Ц Ъ Т Р Е Т Е Й
И
П О С Л ъ Д Н Е Й П Ѣ С Н И .

I.

Люція, если красота сдѣлалась наградою мужества, то пѣснь Менеспреля увѣнчана — ты это знаешь. Принуждаешь поэта испощать весь предметъ его пѣсни, значило бы много уже отъ него пребоавать. Скажемъ коротко, что любовники нами были соединены, какъ это бываетъ во всѣхъ романахъ и комедіяхъ, что они вѣрные и нѣжные другъ къ другу, жили счастливо и дождались многихъ наслѣдниковъ своихъ владѣній; знай также, что когда странникъ проходитъ мимо уединенной горы, въ часъ разсвѣта, сумерекъ вечернихъ или въ шуманное утро, мечтательный замокъ часто обманываетъ взоры ихъ на утесахъ долины Св. Иоанна. Но послѣ храбраго Де Во нога смертнаго не будетъ уже подъ его портиками: являющійся замокъ, есть

только ложное привидѣніе, исчезающее съ восходомъ солнца, или съ дыханіемъ вѣтра.

II.

Смотри, милая моя, какъ внизу медленно капится наша карета и какъ слуги дивятся, что мы пѣшкомъ идемъ по каменистой пропикѣ, и въ такое время, когда тѣни вечернія облачаютъ уже горы. Таковы понятія просполудиновъ. Они воображаютъ, что одна нѣга и роскошь дѣлаютъ счастливыми. Но сколько есть людей и возвышеннѣйшаго состоянія, рабовъ грубыхъ наслажденій,—которыхъ души недоступны благороднымъ чувствамъ, вдыхаемымъ великою картиною природы; но мы, я и ты Люція, мы не преспанемъ любить шуманый вѣнецъ горъ, сѣнистые своды лѣсовъ и зелень долинъ; будемъ любить ихъ еще болѣе, если излучистыя дорожки ихъ были театромъ подвиговъ какогонибудь древняго Випязя, прославленнаго Бардами иныхъ вѣковъ, копо-

рые, можетъ быть, подобно мнѣ хотѣли
сокрыть нравственную истину подъ
завѣсою вымысла. Мы перенесемъ свистъ
вѣтра холоднѣе пого, который теперь
начинаемъ чувствовать. Милая моя
одѣнется моей шинелью и, опершись
на руку своего Артура, не боясь пой-
детъ по скользкой дорогѣ, вѣющей
среди пустыни.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ПОЭМЪ.

Примѣт. I. § VIII. Введеніе.

По словамъ Джонсона, Коллинсъ любилъ предаваться мечтамъ химерическимъ воображенія, съ коими разумъ впрочемъ примиряется въ народныхъ преданіяхъ.

Коллинсъ любилъ волшебницъ, геніевъ, великановъ, очарованія и проч.

Примѣт. II. § I.

Трирменъ былъ лѣнное помѣстье Баронства Гисландъ въ Кумберландѣ.

Примѣт. III. § VI.

Имя Дунмельрезъ происходитъ , говоряшъ, отъ надгробнаго холма, посвященнаго памяти Дунмеля , послѣдняго Герцога Кумберландскаго.

Примѣт. IV. § VII.

Круглый окопъ въ полумилѣ отъ Пенсита, называется Пенситскимъ Круглымъ столомъ.

Прилѣт. IV. § тотъ же.

У холма, называемаго Майбургъ, и теперь еще есть огромный утесъ, какъ говорятъ, памятникъ Друидовъ.

Прилѣт. V. § X.

Маленькое озеро Скалесъ - Тамъ такъ далеко углубилось между утесовъ высокой горы Садле-Бакъ, извѣстной также по стихотворному названію Гламарары, что лучи солнечные не достигаютъ никогда водъ его, и на нихъ отражаются звѣзды въ самый полдень.

Прилѣт. VI. XVII.

Въ замкѣ Тиншадгелъ (въ Графствѣ Корнуальскомъ) родился Артуръ.

Прилѣт. VII. § XVII.

Калибурнъ, мечъ Артура, который называли также Ескалибаромъ.

Прил. VIII. § XVIII.

Извѣстно, что Король Артуръ былъ

собратьемъ Марка и многихъ другихъ
Королей Англіи.

Прилит. IX. § XVIII.

Смотри забавную сказку: Дипя и
плащъ въ собраніи древнихъ стихотво-
реній Перси, откуда, говорящъ, Аріостъ
взялъ мысль для своего очарованнаго
кубка.
